

АФРАЗИЙСКИЕ ЯЗЫКИ¹

§ 1. Общие сведения

1. Представление о существовании языковой общности, в которую наряду с семитскими языками входит также и ряд языков Северной Африки, объединявшихся под названием «хамитские», восходит, по-видимому, к Р. Лепсиусу (1810–1884); оно утвердилось под влиянием замечательных работ Л. Рейниша [43]. Употреблявшийся до последнего времени термин «семито-хамитские языки» восходит в конечном счете к библейской «классификации» народов (Быт. 10), где все народы возводятся к трем сыновьям мифического Ноя — Симу, Хаму и Иафету. Довольно рано стало ясно родство древнеегипетского с древнесемитскими; этот вопрос подробно был разработан А. Эрманом (1854–1937). К. Мейнхоф (1857–1944) очень расширил понятие «хамитские языки», включив сюда все языки Африки, в которых различается грамматический род. В дальнейшем было проделано довольно много работы по лексическим сопоставлениям семитских языков и/или египетского с отдельными языками Африки; методически эти исследования, однако, были малоудачными, так как сравнение велось между древними языками, с одной стороны, и отдельно взятыми живыми языками — с другой, без попытки выяснить закономерные рефлексии на праязыковом уровне (для отдельных ветвей и групп). Тем не менее было установлено немало надежных соответствий, особенно между семитскими и египетским, отчасти между египетским и берберскими. Здесь следует отметить работы А. Эмбера, Р. Каличе, Э. Зигларжа, В. Вицихла, В. Леслау. Сразу после второй мировой войны М. Коэн [23] опубликовал первый опыт сопоставительного словаря «хамито-семитских языков». Эта работа представляла значительный сдвиг в изучении проблемы, но подверглась справедливой критике по причине недостаточной точности методики и имела много других пробелов. Критики (например, см. [29]) указывали на то, что из словаря Коэна явствует, — «хамитских языков» как целого не существует. В этой связи возникло течение, представленное некоторыми египтологами и семитологом О. Рёсслером, стремившееся вовсе отделить языки «черных» кушитов и чадцев от семитских языков, к которым они ошибочно относили древнеегипетский, а также (О. Рёсслер) берберо-ливийские.

К середине XX в. было окончательно установлено, что африканские языки данной семьи не составляют особой «хамитской» ветви, которая противостояла бы азиатской «семитской» ветви, а образуют совершенно различные части единой языковой семьи, в составе которой отдельные африканские группы языков (ветви) по меньшей мере равноправны с семитской ветвью². Тем самым стало уже невозможно пользоваться ранее употреблявшимся термином «семито-хамитские» или «хамито-семитские языки», поскольку «хамитских» языков как некоего целого, противостоящего «семитским», не существует и не существовало; однако этот старый термин по инерции продержался среди части ученых до начала 70-х гг., хотя уже в 50-х гг. Дж. Гринберг [33], классифицируя языки Африки, предложил заменить его. В настоящее время его уже можно считать устаревшим. Наряду с современным термином «афразийские языки», принятым в СССР, употребляются также обозначения «афроазиатские языки» (по Дж. Гринбергу, главным образом в США) и менее удачные термины — «эритрейские», или «лисамические», языки.

В 1965 г. вышла первая сравнительно-историческая грамматика афразийских языков — тогда еще под названием «семито-хамитских» (ср. также [4; 26; 5]). С тех пор сравнительно-исторические исследования афразийских языков получили большой размах. В настоящее время ведется работа над «Сравнительно-историческим словарем афразийских языков» [1; 2]

¹ Существенную помощь в написании этой главы оказал В. Я. Порхомовский; многим автор обязан также О. В. Столбовой и А. Ю. Милитареву.

² Из видных специалистов, как кажется, лишь В. Вицихл продолжал в 70-х гг. противопоставлять «семитским» все остальные афразийские языки как «хамитские», но по единственному критерию — преобладанию трехсложных корней в «семитских» и двусложных — в «хамитских» языках. Однако и сам Вицихл не отрицает наличия двусложных корней также и в семитских и трех- и даже четырехсложных — в «хамитских». При этом он явно преуменьшает роль трехсложных корней в последних языках.

2. На афразийских языках говорят от Средней Азии до Атлантического океана (арабские диалекты), от Танзании (южнокушитские) до Сенегала и Марокко (берберские языки) и от Нигерии (чадские языки) до острова Мальта на Средиземном море (мальтийский язык). Согласно наиболее распространенной из современных классификаций, эта семья состоит из шести ветвей: 1) семитской, 2) берберо-ливийской (или ливийско-гуанчской), 3) кушитской, 4) омотской, 5) египетской (вымершей в XVII в.), 6) чадской.

Однако степень родства между этими ветвями более отдаленная, чем между ветвями индоевропейской семьи (скажем, между индоарийской, славянской и германской), и, например, чадскую ветвь можно было бы рассматривать как особую семью, которая сама разделяется на три ветви (западную, центральную и восточную).

Принадлежность языка хауса, а вместе с ним и других чадских языков к числу афразийских предполагалась еще в начале века (К. Мейнхоф), но лишь с 50-х гг. ее можно считать установленной; лишь некоторые ученые и сейчас все еще решаются это отрицать.

Возможно также, что кушитская ветвь составляет даже не одну, а три-четыре семьи: 1) бедауйе, 2) восточные и южные кушитские, 3) агавские языки. Однако тесная связь восточнокушитских с южнокушитскими тоже не очевидна. Южнокушитские являют ряд сходных черт прежде всего с сомали, но речь идет о грамматических изоглоссах, которые могут быть и ареальными (т. е. материальная близость может быть оспорена); в области лексических изоглосс тесная связь с восточнокушитскими не столь наглядна. Группа сидамских языков (языки Rift Valley) может быть отнесена либо ко второй, либо к третьей семье [36].

Афразийские языки можно тогда рассматривать как «надсемью» (superfamily), или «порядок» (phylum). Это объясняется значительно более ранней датой распада афразийского праязыка, чем праязыка индоевропейского, и разновременностью выделения из него отдельных ветвей или семей. Однако семьи, составляющие афразийскую надсемью, в сравнительно-историческом плане изучать изолированно друг от друга нельзя. Имеются кушитские языки (бедауйе), стоящие близко к берберским, чадские, возможно, приближающиеся к омотским и к египетскому, и т. п. Кроме того, все кушитские языки имеют очень много общей лексики, что объясняется не только генетическим родством, но и чрезвычайно длительным проживанием на смежной территории.

Сопоставление между собой отдельных ветвей в пределах семьи (или семей в пределах надсемьи) дает возможность определить относительную хронологию возникновения тех или иных языковых явлений, которые наблюдаются в любой из этих ветвей, путем выяснения, наблюдаются ли они только в одной ветви (семье) или в нескольких.

3. С целью избежать неправомерных сравнений между фактами языков, находящихся в разной степени отдаленности от общего праязыка, целесообразно по примеру индоиранского языкознания ввести понятие афразийских языков древней, средней и новой, или поздней, ступени. Само собой разумеется, что это подразделение может быть только примерным. Условимся считать языками древней ступени языки, сохраняющие явно архаические фонологическую и морфологическую системы (т. е. такие, которые наиболее близки в этом отношении к самым древним из письменно засвидетельствованным афразийским языковым структурам и к еще более древним структурам, которые реконструируются сравнительным методом). Языки, обладающие фонологической системой, заметно упрощенной по сравнению с древнейшими засвидетельствованными (или надежно реконструируемыми), и частично утеревшие древнюю внешнюю флексию, мы отнесем к средней ступени. При этом следует иметь в виду, что внешняя флексия может возникать и вторично, например глагольная — из морфологизации вспомогательного глагола, именная — из утеревших самостоятельность послелогов. Наконец, языки, фонологическая и морфологическая системы которых полностью перестроились, мы условимся относить к поздней ступени.

4. Отдельные ветви афразийской семьи языков в соответствии с современным уровнем знаний условно подразделяются следующим образом:

- I. Семитская ветвь.
- II. Кушитская ветвь.

III. Омотская ветвь.

IV. Ливийско-гуанчские языки.

V. Египетская ветвь: египетский язык на различных ступенях своего развития (начиная от староегипетского III тысячелетия до н. э., видимо древней ступени); позднейшая его форма (II–XVII вв. до н. э.) называется коптским языком, он относится к поздней ступени. Грамматически египетский язык стоит обособленно (ближе к чадским), но имеет много морфологических и лексических изоглосс с семитскими, чадскими и берберскими языками.

VI. Чадская ветвь.³

.....

Для древнеегипетского засвидетельствованы лексические изоглоссы со всеми остальными ветвями афразийской семьи. Следует отметить значительное число лексических изоглосс, связывающих египетскую ветвь с одной лишь чадской, контакт с которой, однако, был утрачен, очевидно, очень давно. Возможно, именно чадские языки к египетский составляют надветвь (subfamily)⁴, вместе противостоя надветви, включающей берберо-ливийские, семитские и кушитские языки.

На это указывают восходящие уже к древней ступени грамматические изоглоссы: (1) префиксальный тип спряжения глаголов действия и суффиксальный — глаголов состояния для берберо-ливийских, семитских и кушитских⁵; (2) образование глаголов действия из определительных и предложных конструкций в древнеегипетском и, по-видимому, чадских (спряжение глаголов состояния — то же, что и в первой группе)⁶. Вопрос о древнейшем или инновационном характере той и другой изоглоссы словоизменения предикативного слова весьма сложен и требует учета до сих пор не исследованных факторов⁷.

Глагольная система омотской ветви (а также нубийской?) отличается от глагольных систем обеих выделенных выше надветвей, однако определенно является инновационной, и вполне возможно, что эта ветвь (или семья) ранее по морфологическим критериям входила в одну из упомянутых выше надветвей. Если же это не так, то, возможно, придется вывести еще и третью (омотско-нубийскую?) надветвь (надсемью) в пределах афразийской семьи (порядка).

---

³ Перечисление языков, входящих в семитскую, кушитскую, омотскую, ливийско-гуанчскую и чадскую ветви, опущено. Новейшую информацию о генетической классификации афразийских языков можно найти в кн. С. А. Бурлак, С. А. Старостин. Введение в лингвистическую компаративистику. М., 2001. С. 181–184. (Прим. создателей сайта).

⁴ Или «надсемью» (superfamily), если считать афразийскую общность «порядком» (phylum).

⁵ Префиксальное спряжение глаголов действия сохраняется в настоящее время во всех берберских языках, почти во всех семитских (для «имперфективного» спряжения), в северокушитском языке бедауйе (для многих глаголов) и пережиточно — в некоторых восточно- и центральнокушитских.

⁶ Общеафразийское суффиксальное спряжение глаголов состояния сохранилось: 1) в семитских языках (в первоначальном употреблении — только в вымершем аккадском, где предикат состояния является, — что очень важно — структурно и функционально не столько глагольным, сколько именным образованием: черта большого архаизма; в остальных семитских суффиксальное спряжение применяется для всех глаголов в «перфекте»); 2) в древнеегипетском; 3) из берберских — в кабийском, ауджила и др.; 4) из кушитских — пережиточно в сидамо и др. («относительное» спряжение в сидамском), речь идет о вторичных образованиях (значащая глагольная основа + вспомогательный глагол в стативной суффиксально спрягаемой форме); 5) из чадских — по-видимому, пережиточно в муби.

⁷ Полной ясности в оценке проблем группировки ветвей афразийской семьи, в частности в истории их глагольной системы, нет. Дело осложняется тем, что в чадских и кушитских языках существует конструкция «определение–определяемое», а в египетском, как и в семитских, — конструкция «определяемое–определение». (В берберо-ливийских есть обе конструкции.) Соответственно и составные части глагола, образовавшегося из определительной или предложной конструкции, в чадских языках расположены в порядке, обратном тому, который характерен для египетского. Типологически более древним, как кажется, приходится признать чадский вариант, поскольку образование префиксального спряжения дает возможность предполагать, что на этапе его возникновения и во всей первой группе афразийских языков, не исключая и семитские, господствовал порядок «определение–определяемое». (Конечно, возможно, что мы имеем дело в чадском с фактом повторного возникновения типологически древней конструкции.)

Итак, хотя мы признаем и в дальнейшем обозначаем все афразийские языки условно как семью, однако отдаем себе отчет в том, что эта семья — не столь тесная, о чем уже говорилось выше, как, например, индоевропейская. Эту семью мы столь же условно будем делить на две надветви — семитско-кушитскую и египетско-чадскую, а эти последние, также условно, — на шесть (или более) перечисленных выше ветвей. Однако необходимо учитывать, что некоторые подразделения кушитской ветви, а также чадской, возможно, надо рассматривать как самостоятельные ветви; тогда другие ветви превратятся в семьи, надветви или подсемейства — в надсемьи, а афразийская семья — в «порядок».

Стоящие здесь перед нами вопросы, вероятно, будут выяснены в пределах ближайшего десятилетия или двух.

.....

Ниже мы перечислим афразийские языки, имевшие или имеющие письменность, с краткой ее характеристикой.

Семитские языки: аккадский — староаккадская и классическая аккадская клинопись; эблаитский — модификация староаккадской клинописи; угаритский — квазиалфавит с клинообразными формами знаков, невозводимых к аккадской клинописи; особые знаки для /'a/, /'i/ и /'ø/. /'u/; финикийский — западносемитский квазиалфавит (в поздних пунических надписях — с распространением системы *matres lectionis* на некоторые краткие гласные); древнееврейский — тот же квазиалфавит, позднее «квадратное» письмо — модификация староарамейского (см. ниже), с раннего средневековья надстрочные и подстрочные диакритические значки для гласных (только в библейских текстах); староарамейский — финикийский квазиалфавит, слегка курсивно модифицированный; сирийские и мандейский диалекты выработали особые курсивные формы, сирийские — факультативно с надписанными диакритическими значками для кратких гласных, мандейский — с распространением системы *matres lectionis* на краткие гласные; арабский — дальнейшее развитие арамейского курсива с добавлением дополнительных букв для отсутствовавших в арамейском фонеме, а для Корана и учебных и подобных текстов — также с добавлением надписных и подписных диакритических знаков для гласных; мальтийский — латиница; южноаравийский эпиграфический — вариант западносемитского квазиалфавита с дополнительными буквами; ге'эз (древнеэфиопский) — южноаравийское письмо, в котором каждый знак обозначает «согласный + /a/», но его форма несколько модифицируется для передачи сочетаний согласного с нулем или нейтральным гласным, с /i/ и /u/; тигре, тиграй, амхарский — то же письмо с незначительными модификациями.

Кушитские языки в большинстве бесписьменны; для некоторых используется амхарская графика; сомали после периодов экспериментирования с новым собственным алфавитом и латиницей перешел на арабское письмо.

Берберские языки: древнеливийский (нумидийский) имел собственное письмо, созданное по принципам финикийского или южноаравийского квазиалфавита; потомок этой письменности — письмо тифинаг — используется туарегами Центральной Сахары. Носители североберберских языков пользуются иногда модифицированным арабским письмом, но чаще пишут по-арабски.

Египетский язык — см. выше. Модифицированное египетское письмо использовалось также для мероитского. Коптский язык (наиболее поздняя стадия египетского) пользуется греческим алфавитом с добавлением нескольких знаков из демотики (также и древненубийский).

Из чадских языков письменностью обладает только язык хауса; с XVI по XIX в. это была модификация арабского письма, теперь — латиница.

.....

§ 3. Структура корня и слова

1. Наши реконструкции основываются на допущении, что корневая морфема — это слово минус флексия, каковая могла выражаться гласным, согласными или нулем (в абсолютном падеже, т. е. в случае слова, не имеющего синтаксических связей, или предиката, или первоначально субъекта состояния) [4, с. 54–57; 5, с. 211–215]. Если учесть, что такая корневая морфема может в принципе непосредственно совпадать со словом, то некоторые словообразовательные правила общеафразийского (сохраняющие свое значение во многих афразийских языках) могут быть также применены и к процессам корнеобразования. Это означает, что разрешенные последовательности фонем должны удовлетворять следующим правилам:

1) никакой слог (в том числе начальный) не может начинаться с гласного (отсюда важная роль фонемы $\prime$, являющейся основной заменой гласного начала);

2) слог не может начинаться или кончаться более чем одним согласным. В результате морфема корня (или основы) не может оканчиваться на два согласных (из-за возможной нулевой или согласной флексии) или на гласный (из-за возможной гласной флексии). Слоγοобразующим элементом корня может быть или гласный (а или i/u), или сонант, который в зависимости от позиции может функционировать или как согласный, или как гласный; следовательно, сонант находится в конце слова (или корня) может вследствие его двойственной фонетической природы [27].

Древнейшие общеафразийские корни — именные или, вернее, относящиеся ко времени до образования глагольных словоформ — имеют двусогласную структуру (CVC, CSC, CVCS, где S — сонант; сонант может стоять и на месте C). Если сонанты считать согласными, то афразийский корень мог также быть трехсогласным при условии, что второй или третий согласный корня — сонант (включая «слабые» сонанты j/y , H , H^w). В общеафразийском представлены также — видимо, в незначительном количестве — и корни, состоящие только из одного согласного и «слабого» сонанта, т. е. CS. Позднее начал действовать процесс расширения корня. В афразийских языках имеется несколько различных факторов, вызывавших этот процесс, но, видимо, в первую очередь следует отметить утрату сонантами (всеми или первоначально только «сильными») их статуса гласного. Другой фактор, видимо, имел просодическую природу: выравнивание морфем корня (или основы) по модели новых трехсогласных корней с сонантом в роли одной из согласных. Это выравнивание могло происходить следующим образом: гласные в двусогласных корнях удлинялись, в результате возникли долгие $*\bar{a}$, $*\bar{i}$, $*\bar{u}$; затем корень с долгим корневым гласным стал трактоваться как имеющий гласный + подразумеваемый сонант на месте второго или третьего корневого. Эти «дополнительные» корневые согласные, во-первых, всегда «слабые» сонанты, во-вторых, свободно чередуются друг с другом ($*j$, $*y$, $\prime$) и могут оказываться на месте то второго, то третьего корневого согласного — таким образом, они непредсказуемы: различные варианты могут сосуществовать в одном языке и даже в одной и той же парадигме; в-третьих, в принципе они не влияют на семантику, хотя на более поздних этапах различные варианты могут получать незначительную семантическую дифференциацию. Еще одним способом образования трехсогласных корней из двусогласных является геминация второго корневого согласного. В противоположность предыдущему методу геминация является предсказуемой для всех двусогласных корней, поскольку она является лишь способом их представления в качестве «трехсогласного грамматического слова».

Появление трехсогласных корней вызвало на более поздних этапах общеафразийского языка или уже в отдельных ветвях и группах новый способ образования трехсогласных корней из двусогласных путем присоединения корнеобразовательной морфемы, которую мы (по аналогии с индоевропейскими языками) именуем комплементом⁸. Комплемент вызывает из

---

⁸ Комплемент проявляется чаще всего в виде третьего корневого согласного, но иногда в виде первого. Это нередко, по-видимому, пережиток «породного» показателя (см. § 13).

менение первоначального значения корня, хотя во многих случаях семантическая связь легко прослеживается. Это, разумеется, означает, что морфемы-комплементы имели собственную семантику, но определить ее возможно будет лишь на основе анализа всех подобных корней с комплементами, реконструируемыми для общеафразийского. Комплементы, по-видимому, появляются только в глагольных корнях.

В чадских, кушитских и берберских языках утрата велярных фрикативных и аффрикат, а также «слабых» сонантов (следы которых совершенно очевидны) привела к образованию вторичных двусогласных корней⁹. Незначительное количество исконно двусогласных корней сохранилось в семитских и египетском, но в какой мере современные двусогласные корни в других ветвях афразийской семьи могут отражать это архаичное явление, в настоящее время судить очень трудно. На позднейшем этапе в чадских и, возможно в меньшей мере, в кушитских и берберских лексикализация аффиксов, словосложение и заимствования привели к возникновению значительного числа вторичных трех- и четырехсогласных корней (в чадских почти все более чем двусогласные корни принадлежат к их числу).

Реконструируемые многочисленные омонимичные корни позволяют предположить наличие тонов в общеафразийском, ср. нашу гипотезу о сонантической природе *⁷.

.....

Для древнеегипетского предложено несколько систем, исходящих из различных предположений о структуре слога и характере силового ударения и об их изменениях вплоть до коптского языка начала нашей эры, пользовавшегося уже письмом с гласными. Здесь следует особенно отметить работы Э. Эделя, Г. Фехта, В. Вычихла, Т.-У. Тэккера и Ж. Вергота. Все они так или иначе ориентируются на семитские образцы, но многое вызывает в этих реконструкциях сомнение. Так, нам представляется, что фонемы, обозначающиеся в современной транслитерации древнеегипетских иероглифов как *ʒ*, *i*, *w*, *y*, были первоначально только согласными сонантами, однако другие исследователи полагают, что они с самого начала выражали и гласные. Египтологи нередко оперируют в качестве общей для прасемитского и праегипетского моделью активного причастия *C₁āC₂iC-, что вряд ли правомерно, так как, во-первых, такое определение этой модели уже заранее предполагает наличие актива и пассива в афразийском (что спорно и, кстати говоря, не согласуется с предполагаемыми, например, Ж. Верготом значениями для слов данной гипотетической модели: *hfʒw* 'змея' = /μāfiʒ-/ 'ползущий, извивающийся'; *iʒh* 'месяц' = /jāiμ-/¹⁰ 'шествующий'; *hrw* 'день' = /*hāriμ-/ 'загорающийся'; речь, стало быть, идет о причастиях состояния, которые в семитских, как показывает прежде всего аккадский, выражались моделью *C₁aC₂i/u/aC₃-, а не *C₁āC₂iC₃-); во-вторых, модель активного причастия *C₁āC₂iC₃- вообще не является даже общесемитской (ее нет в южнопериферийных семитских и эфиосемитских), а стало быть, она не может быть и общеафразийской.

Несомненно, однако, что при бедности аффиксальных средств в египетском здесь должны были, как и в семитском, развиваться интерфиксные модели — огласовочные «схемы» для многообразных имен действия, деятеля, обстоятельств действия и т. д., в том числе и употреблявшихся предикативно, т. е. функционально соответствовавших семитским, берберским и древнекушитским глагольным образованиям. Однако при отсутствии в египетском префиксального глагольного спряжения неясно, как здесь могли быть сняты запрещения на ряд моделей основ, диктовавшиеся структурой афразийского слога.

3. Во всех ветвях афразийской языковой семьи весьма значительный процент глагольных корней составляют такие, в которых один из корневых согласных — «слабый», т. е. *ʔ*, *μ* или *j*, а также *n*, формантное происхождение которого, по крайней мере в начале корня, общепризнано. По-видимому, «слабые» корневые согласные *ʔ*, *μ* и *j*, а также *n* приспособлялись

⁹ В некоторых случаях также сохранились следы геминии второго корневого, см. для чадских [14, с. 22–271].

¹⁰ При такой огласовке (*-r- в медиальном положении) трудно объяснить ег. -ʒ- (*iʒh* [jāiμ-]) должно восходить к афраз. *μ/jāiμ- < *ur_oh_o).

для подгонки двусогласных корней под трехсогласную схему, необходимую для размещения гласных инфиксов по известным стандартным моделям огласовки («схемам» — случай действия аналогии).

В семитских языках фактически существуют и двусогласные глагольные корни (обычно, но не всегда с долгим гласным — долготы, вероятно, вторичные), но и они в словоизменении по мере возможности подгоняются под трехсогласную модель (причем одним из корневых согласных считается u , i , или $\text{}$, в зависимости от качества долгого гласного в корне: $\bar{\text{u}}$, $\bar{\text{i}}$ или $\bar{\text{a}}$).

Совершенно аналогичное положение было и в древнейшем египетском. В берберских и особенно в кушитских и чадских языках есть много глагольных корней, которые традиционно рассматриваются как двусогласные (Вычихл считает это дифференциальным признаком «хамитских» языков в отличие от семитских); однако, поскольку мы во всех случаях имеем дело с языками поздней ступени, обычно утратившими исконные «слабые» согласные $^*\text{u}$, $^*\text{i}$, $^*\text{}$ (и $^*\text{H}^{\text{w}}$), а также чаще всего согласные ларингальной и фарингальной артикуляции, постольку есть основание считать, что и в этих языках подавляющее большинство гласных корней было на праязыковом уровне трехсогласным. В то же время следует признать, что и в трехсогласном корне главную смысловозначительную роль играют только два согласных (чаще всего — первые два), а третий является «комплементом», который уточняет семантику и происхождение которого установить пока трудно.

Лишь в некоторых случаях вопрос сравнительно более ясен. Так, от соответствующих двусогласных корней иногда образовывались глаголы с первым корневым u : глаголы с первым корневым i являются в большинстве случаев лишь разновидностью глаголов с первым корневым u и часто чередуются с ними; в некоторых семитских языках глаголы с первым и полностью совпали с глаголами с первым i . (Вообще, сонанты $\text{u}_\circ/\text{u}$ и $\text{i}_\circ/\text{i}$, как кажется, первоначально были аллофонами одной фонемы. Это объясняет многие словообразовательные типы, в частности, кушитских и чадских языков.) Императив и имена действия от глаголов с первым корневым u нередко сохраняют первичную форму корня — из двух согласных с кратким гласным между ними.

Другую категорию первичных корней составляли корни из двух согласных с гласным либо между ними («пустые», или *mediae infirmae*), либо после них («недостаточные», или *ultimae infirmae*). В этом случае для подгонки под трехсогласную схему в середине или соответственно в конце вставляли согласный u или i , в зависимости от качества первичного гласного (который, в свою очередь, мог зависеть от переходности или непереходности глагола). Степень последовательности подгонки под трехсогласную схему в различных семитских языках различная, и нередко формы от «пустых» глаголов фонетически невозводимы к трехсогласной схеме¹¹.

Глаголы с третьим корневым u или i выдают непоследовательностью образования различных форм свой непервичный характер и в древнеегипетском; в ряде случаев это отыменные образования от относительных прилагательных на $-\text{i}$. По формообразованию они также отличаются от собственно двусогласных.

Таким образом, первоначальное существование двусогласных глагольных корней в афразийских языках не подлежит сомнению. Однако большинство глаголов все же имеют три корневых согласных, из которых ни один не относится к числу «слабых» (т.е. не является u , i , $\text{}$ или n).

---

¹¹ В египетских трехсогласных корнях, образованных путем выноса сонантов i , u на место первого согласного корня, выбор сонанта, видимо, зависел от первоначальной огласовки двусогласной корневой морфемы. Поэтому они часто соответствуют семитским «пустым» корням, т. е. с мнимым сонантом $^*\text{i}$, или $^*\text{u}$ на втором месте в корне (закон Беловой).

Тем не менее можно показать, что и эти глаголы, по крайней мере в подавляющем большинстве случаев, восходят к двусогласным корневым ячейкам (ср. выше примеры на чередование *dbb || *db-r, *sll || *sl-b). Мы уже отмечали, что главную смысловозначительную роль явно несут только два согласных (обычно первый и второй, реже — второй и третий).

Вероятно, третий корневой согласный, будучи первоначально формантом, агглютинативно присоединялся после предшествующего гласного форманта, который тем самым автоматическим образом превращался во внутреннюю флексию. Подобные «комплементы» к первоначальным односложным корням существовали и в общеиндоевропейском.

Возникновение всеобъемлющей системы развитой внутренней флексии в семитских и вообще афразийских языках следует, во всяком случае, отнести к глубокой древности и ко времени наличия эргативной конструкции, когда простая форма чистой основы имени (абсолютная) была одновременно и корнем, и наиболее обычной именной формой — нормальным выражением прямого падежа. Запрет на образование основ со скоплением двух согласных в ее конце можно объяснить только наличием нулевого падежа, потому что такое скопление перед гласным падежным окончанием не противоречит афразийскому слогаобразованию. Когда же возникли формы склонения с гласной внешней флексией (особенно именительный падеж на *-u*), эта постоянная внешняя флексия должна была бы предохранять корень от гласного имени от внедрения в него каких-либо дополнительных гласных формантов¹². Без наличия форм слова с нулевой флексией невозможна была бы столь распространенная в афразийских языках инфикация гласных.

Причиной своеобразия афразийского корня следует считать именно это раннее возникновение обильной, развитой и всеобъемлющей системы внутренней флексии. В составе корневой ячейки CVC гласный — в большинстве случаев, вероятно, /a/ — имел небольшое значение в качестве смысловозначительного средства по сравнению с согласными и был замещен гласным внутреннефлективной огласовки. Но это означало, что корнеобразование как средство лексического обогащения было чрезвычайно ограничено по своим возможностям; число возможных корней стало почти равняться числу комбинаций согласных по два. При этом надо еще учесть фонетическую несовместимость сходных по артикуляции согласных в одном корне¹³.

---

¹² Абсолютный падеж на *-a* из афразийских языков, сохранивших падежную флексию, сохранился: из семитских — в староаккадском, в аморейском, эблаитском, из кушитских — в бедауйе, оромо, сидамо, из омотских — в омето. Это назывная форма, форма предикативного имени, нередко имени в роли субъекта совершенного действия (прямого объекта — так, например, *-a* в семитских), а иногда и подлежащего при предикате состояния.

Здесь нет возможности останавливаться на детально разработанной теории словообразования и словоизменения в семитских языках, выдвинутой Е. Куриловичем [38, 39]. Автор оперирует вполне сложившимся семитским глагольным корнем, в отношении которого огласовка выступает уже только в морфологической функции, а гипотетический первоначальный корневой гласный вытеснен, и показывает апофонический характер огласовки семитского глагольного корня, но в первичном именном словообразовании в афразийских языках апофония не прослеживается.

¹³ Следует отметить любопытное, весьма распространенное в семитских (особенно в арабском), но неизвестное и другим языковым семьям явление семантической связи акустически или артикуляционно близких корней, не являющихся закономерными отражениями друг друга. Так, ср. в арабском серии корней: *ksr*, *ksf*, *qsm* (первичный корень *q/kas-?*); *qʕ*, *qʕʕ*, *qtl* < *qʕl (первичный корень *qaʕ-?*): *ʕdʕ*, *ʕdd*, *ʕdm*, *ʕzz*, *ʕz* (первичный корень *gaʕ-?*). Все эти корни имеют значение 'отрезать', 'вырывать', 'отламывать', 'отрубать', 'убивать', 'разделять' и т. п. Ср. в акк. *qāt-* (< **qāʕ-*) 'рука' и глаголы *kss* 'отрезать', *ksp* 'разламывать', *gdm* 'кастрировать', *gzz* 'стричь' и т. п. Явление это, изучавшееся у нас в стране Н. В. Юшмановым, С. С. Майзелем и А. Ю. Милитаревым, пока не нашло исчерпывающего объяснения. По-видимому, здесь идет речь о звукоподражательности — как прямой (подражание естественному звуку), так и вторичной (подражание уже ранее известному корню, ср. русск. брызнуть, прыснуть, дрызнуть, из которых только один глагол — древний). Несомненно, играли роль также звуковые несовместимости, действительные для одного диалекта, но не для другого, междиалектные заимствования, возможно, влияние женского языка. Женские языки четко выражены в примитивных языках — яна, чукотском, шумерском. Хуже изучены они в более поздних языках; однако, по личному сообщению Д. О. Эдгарда, в бейрутском диалекте арабов ʕ — «мужской звук» и в женской речи заменяется на ʔ. Во всяком случае, необходимо сказать, что в описываемом явлении мы встречаемся с еще одним не изучавшимся ранее способом словообразования, по-видимому диахронически скорее поздним.

Ясно, что необходимо было не только расширение лексического запаса на основе прежнего корнеслова (что происходило за счет уточняющей лексическое значение функции внутренней флексии), но и расширение самого корнеслова. Так как словосложение афразийским языкам уже с древнейших времен было мало свойственно¹⁴ (кроме редупликации), то расширение лексики пошло за счет увеличения корневого запаса путем наращивания двусогласных корневых ячеек до трехсогласных корней, а позже — и «вторичного» звукоподражания (см. выше, предыдущее примеч.) .

По-видимому, главным путем образования третьих корневых согласных помимо формального наращивания «слабых» согласных *ʾ, ʿ, ĩ, n* (и *ʾ*) и редупликации корня — полной или сокращенной — было расширение корня за счет первоначальных грамматических формантов. Формантное происхождение некоторых корневых согласных довольно ясно — это начальное *n-*, *t-*, *ĩ-*, *ʾ-*, *<š-*, а в ряде африканских афразийских языков, также *m-* местоименного и «породного» происхождения (см. § 13), но в большинстве случаев формантный характер «комплементов» неясен, так как речь идет о формантах, давно утративших продуктивность. В начальной позиции иногда удается выделить как бывшие форманты *h-* и (в берберских) *b-*, но (кроме некоторых типов названий животных) происхождение «комплементов», ставших третьими корневыми согласными, не объяснено, за исключением **-k*, выражающего мгновенность действия.

.....

Если древнесемитские языки могут считаться точно отражающими праафразийское состояние, то имеет смысл указать на то, что в них от глагольных корней образуется громадное количество производных существительных (особенно имен действия, так называемых масдаров) и прилагательных. Они образуются по определенным схемам огласовок, причем каждая схема имеет определенное семантическое значение (ср. примеры в гл. «Аккадский язык» и «Арабский язык»). Ни одна схема огласовок не является случайной, а соответствует определенному типу значений: имя действия, причастие действия, причастие состояния, имя профессии, имя места, имя орудия и др. Помимо огласовок известную роль в образовании подобных имен играют и префиксы, особенно **mV-*, **-tV-*, **šV-*. реже **ĩV-*. Конечно, в живых языках поздней ступени различия между типами стираются и не всегда выдерживаются вполне четко.

Все это касается только отглагольных имен, в том числе и образованных от отыменных глаголов; как мы видим, существовало множество совершенно различных огласовок таких вторичных имен. Это имеет огромное значение для понимания египетского, кушитских и чадских языков. В египетском, во всех чадских и в большинстве случаев также в кушитских языках глагол либо состоит из отглагольного имени в соединении со спрягавшейся по образцу старосемитского или берберо-ливийского глагола связкой (в кушитских), либо образует определительный или предложный оборот (в египетском и, возможно, в чадских). Отсюда следует, что в отличие от семитских и берберских глаголов, а также кушитских глаголов так называемого сильного спряжения все остальные кушитские глаголы могут иметь практически произвольную огласовку, ибо она определяется огласовкой того глагольного имени, к которому присоединена связка; а огласовка отдельно взятого глагольного имени определяется теми же законами, что и огласовка имени вообще. Несколько меньше выбор возможных глагольных огласовок в древнеегипетском и чадских, поскольку посессивные конструкции, заменившие здесь глагольный предикат, образовывались не с любым произвольным глагольным именем, а, по-видимому, только с именами причастной или сходной семантики.

.....

---

¹⁴ Довольно широко распространено корне- или основосложение в берберских языках; гораздо реже оно (и касается только первичных двусогласных корней) в семитских и египетском. В кушитских, омотских и чадских словосложение не всегда легко отличить от присоединения потерявших продуктивность аффиксов (преимущественно суффиксов).

§ 4. Имя. Классы и роды

1. В афразийских языках есть имя существительное, прилагательное и числительное. Однако прилагательные отличаются от существительных по большей части лишь синтаксически и по образованию множественного числа. О специфическом морфологическом оформлении лишь некоторых типов и групп прилагательных см. § 3. Можно думать, что на праафразийском уровне прилагательные как особая часть речи не выделялись.

2. В афразийских языках сохранились следы, возможно свидетельствующие о существовании в глубокой древности сложной системы именных грамматических классов, которые впоследствии лексикализировались. Так, по-видимому, показателем класса вредных животных был суффикс $-(a)b-$ (в кушитских и чадских языках, возможно, суффикс или префикс $m/ṽ$): общесем. *kal-b-* 'собака'; общеафраз. $*^3q^b-$ 'волк, шакал'; общесем. $*ča^l-ab-$ 'лиса' (уменьш. $*čū^āl-$); сем. *dab-b-*, *dub-b-* 'медведь'; ег. *db* 'гиппопотам'; сем. *ʿarn-ab-* 'заяц'; общеафраз. $*x^{(w)}V^r-$, $^Vx^{(w)}r-$ 'скорпион' > общесем. *ʿaqr-ab-*; куш. билин $k^wqr-ad-a$; иракв $xē[ʿ]er-añ-w$ 'скорпион'. Показателями класса диких и домашних полезных животных были $-l$, $-r$: общесем. $*čāu-r-$ 'бык'; *imm-ar-* 'баран'; *ʿaij-al-* 'олень'; $*liḥ-r-$ 'овца' и т. д. Конечно, многие названия животных, происходящие от эпитетов, этих показателей не имеют (например, сем. *ʿalp-* 'крупный рогатый скот', собственно 'обученный, одомашненный'), и вообще древние классные показатели сохранились сравнительно хорошо лишь в семитских языках. К этой же группе показателей относится, по-видимому, $-n$ с неясным значением: общесем. $*Āa^ʿ-n-$ 'мелкий скот'; $*^3-n-$ 'ухо' (< афраз. $*H^wq^3$ 'слышать'); араб. ге'эз *bad-(a)n-* 'туловище', 'труп' (< $*bad$); общеафраз. $*bi/ṽ-n-$ 'промежуток' (< афраз. $*bi/ṽ-$ 'входить'); акк. *tar-n-* 'мачта'; чад. нгизим *tùkù-nó* 'толченая рыба' (< афраз. $*tak^w$ 'толочь, давить') и т. п. Суффикс $-(a)t-$, позже превратившийся в показатель женского рода, первоначально тоже относился к группе суффиксов именных классов.

3. Независимо от системы классных именных показателей, малопродуктивной уже в праафразийском, существовала бинарная система родов с мужским показателем $*-i/-ṽ$ и женским $H/i > -ā, -ai$.¹⁵ Первый из них сохраняется по большей части лишь пережиточно: в семитских — в местоимении $*šū-ṽa$, в арабском ж.р. — $-ā(i)$, в кушитских агавских форма м.р. — $-i$, ж.р. $-a$; так нередко и в чадских; в берберских — в префиксах имен status annexus м.р. $ṽ-$ (см. ниже), в омотских (язык кафичо) — в виде именного суффикса м.р. $-ō$, ж.р. $-ē$. В староегипетском окончание имен мужского рода на $-Vṽ$ сохраняется в единственном числе довольно хорошо, во множественном (на $-w$ [$*-ā-ṽ-$]) — всегда (и по аналогии мн.ч. ж.р. $-w-t$ [$āṽāt$]). Архаичный показатель женского рода сохраняется в разных афразийских языках (например, в некоторых кушитских, чадских, спорадически в арабском). Чаше же он вытеснен показателем $-(a)t-$ (в дальнейшем обычно $> -ah > -ā$), распространенным в афразийских языках повсеместно (в кушитских и чадских — лишь в отдельных языках), причем его непервичное происхождение в качестве показателя рода выдвигается тем, что в цепочке суффиксов он занимает иное место, чем архаичные показатели рода [31].

4. Если в индоевропейских языках различие между родами семантически труднообъяснимо, то в афразийских языках, и в частности в семитских, это различие считается довольно четким: к женскому роду на $-(a)t$ относятся помимо существ женского пола (акк. *šarr-* 'царь' — *šarr-at-* 'царица'; *kaššāp-* 'колдун' — *kaššāp-t-* 'колдунья'; араб, *šāʿir-* 'поэт' — *šāʿir-at-* 'поэтесса') также имена со значением единичности (араб, *naml-* 'муравьи' — *naml-at-* '*один муравей'), уменьшительные (акк. *nāṣ-t-* 'речка'; так часто в именах собственных), имена, обозначающие предметы социально пассивные по своему характеру, например объекты деятельности: акк. *zitt-* < $*zawiz-t-$ 'доля'; *lubuš-t-* 'одежда'; *šalam-t-* 'труп'; *tarbī-t-*

¹⁵ Поскольку $-i$ и $-ṽ$ были аллофонами, постольку вероятно, что они первоначально дифференцировались тонами или ударениями.

'воспитанник'; ср. бедауйе *šā* (м.р.) 'корова', *šā* (ж.р.) 'говядина', абстрактные понятия (акк. *damiq-t-* 'благо'; *puluḥ-t-* 'страх').

Ряд древнейших слов, обозначающих существа женского пола, образуются от другого корня и часто без морфа женского рода: сем. *'ab-* 'отец' — **'imm* 'мать'; *ḥimār-* 'осел' — *'atān-* 'ослица'; араб, *ḥāmil-* 'беременная'. Аналогично в берберских и других языках.

Сюда же относятся названия парных и четных частей речи (сем. **'ajn-* 'глаз'; **'uʕn-* 'ухо'; **'iad-* 'рука'; **'sinn-* 'зуб'), а также названия местностей, до рог, многих природных явлений (акк. *ḥarrān-* 'дорога, путь, поход, караван'; *nār-* 'река'; угар. *špš*, араб. *šams-* 'солнце'; араб. *'arḍ-* 'земля'; ср. акк. *'erš-et-*). Отнесение этих имен к женскому роду выявляется только из согласования. Существует еще некоторое количество имен женского рода, для которых семантическая причина отнесения их к нему неясна, часто эти имена колеблются в роде или имеют разный род в единственном и множественном числе.

§ 5. Падежи

1. Поскольку в египетском гласные графически не обозначались, а берберо-ливийские, чадские, омотские и большинство кушитских дошли до нас только на поздней ступени, а стало быть, с потерей большей части внешней флексии, постольку реконструкция праафразийской падежной системы представляет значительные трудности.

2. Следует обратить особое внимание на то обстоятельство, что хотя исторически засвидетельствованные семитские языки относятся к номинативно-аккузативному типу конструкции предложения, однако характер именительного падежа отличает его от аналогичного падежа в индоевропейских языках. Показатель именительного падежа *-u* в древнесемитских языках оформлял только субъект; все другие функции, которые несет именительный падеж в индоевропейских языках, — номинатив без конкретных грамматических связей (например, в назывании, перечислении, обращении и т. п.), оформление именного предиката — первоначально лежали в древнесемитских языках на особой форме с показателем *-ø* (иногда *-a*), аналогичной абсолютному падежу в языках с эргативной конструкцией предложения, где, как известно, особый эргативный косвенный падеж оформлял субъект действия (или же транзитивного действия), а субъект состояния (в том числе состояния, наступившего в результате действия, т. е. прямого объекта), а также имя вне грамматических связей и чаще всего именной предикат оформлялись абсолютным падежом, обычно нулевым. Учитывая, что, как мы увидим ниже, праафразийский формально противопоставлял действие состоянию, логично предположить, что древнесемитский именительный падеж являлся развитием афразийского падежа субъекта действия, противостоявшего нулевому падежу (или падежу на *-a*), выражавшему не только имя вне грамматических связей (так называемый *status indeterminatus*) и именной предикат (так называемый *status praedicativus*), но и субъект состояния, включая и субъект состояния, наступившего в результате действия.

Именно такое положение мы застаем в ряде кушитских языков (бедауйе, оромо, сидамо) и омотских (омето), а из семитских — в староаккадском и аморейском. В семитских более позднего этапа (но все еще в пределах древней ступени) происходит расщепление абсолютного падежа (*st. indeterminatus/praedicativus*) на *-ø* и падеж прямого объекта (*accusativus*) на *-a*; из кушитских языков только в оромо падеж на *-ø/-à* все еще выражает также и аккузатив (в омотском языке омето нулевой падеж включает семантику аккузатива, в кушитском сидамо — также и подлежащее состояния [?]).

Если при этом учесть, что в праафразийском языке различие между гласными *i* и *u* не было фонематичным, то можно прийти к заключению, что должно было существовать бинарное противопоставление двух так называемых абстрактных падежей: на *-i/u* и на *-ø/-a*.

3. Наилучшим образом сохранился не только во всех древнесемитских, но и во многих кушитских падеж на *-i*. В кушитских языках это «падеж отношения»; нередко он имеет краткую форму (*-i*) и распространенную форму (*-iia*, *-î*); в первом случае он по большей части

выражает отношение определения к определяемому, т. е. равен родительному падежу; во втором он выражает и более широкий круг отношений. Именно из распространенной формы «падежа отношений» во всех афразийских языках выработался морф относительных прилагательных (нисба), выражающих преимущественно принадлежность. Нисба имеет обычно форму - *iġ(a)*-, но (в частности, в ряде чадских языков) также и *-ица*, что еще раз указывает на первоначальную идентичность падежа на **-и* и падежа на **-i*.

Номинатив (или эргатив) на *-и* нигде, кроме семитских языков, в описанных ниже афразийских языках не засвидетельствован (лишь в сомали как алломорф *-i*). Напротив, номинатив (из эргатива) на *-i* известен, например, в кушитских языках сахо, оромо, сидамо и др. [однако в этих языках выработались особые инновационные форманты для генитива (например, в сидамо *-и* и др.)].

4. Именно сохранением формального совпадения эргатива и генитива на *-i*, видимо, объясняется, почему в египетском языке выработалась посессивная конструкция предложения: поскольку субъект действия выражался падежом на **-i*, совпадающим с родительным, место спрягаемых глагольных форм здесь могли занять посессивные конструкции; лицо субъекта выражается здесь притяжательным (генитивным) суффиксальным местоимением, причем 3-е лицо субъекта выражается им в том лишь случае, если само имя, являющееся субъектом, не названо в предложении; в противном случае местоименный суффикс может не ставиться вообще, поскольку в родительном падеже на **-i* стояло само имя, являющееся субъектом действия. При предикате состояния (стативе, т. е. первоначально тоже именной форме на *-ø* или *-a*) субъект обозначался, естественно, прямым падежом местоимения, поскольку для эргативных языков прямой падеж — это абсолютный падеж, выражающий субъект состояния.

§ 6. Состояния

1. В семитских, берберо-ливийских и, вероятно, в египетском языке в имени выработалась еще одна особая именная категория — статусов (состояний). Это словоизменение, зависящее от синтаксической роли имени. Число и характер статусов по языкам различны. Статусы различались между собой характером оформления падежей и огласовкой основы, зависевшей от фразового ударения.

2. Из семитских языков система статусов наиболее развита в аккадском.

Состояния существовали также в египетском (во всяком случае, *st. constructus*), хотя несовершенство графики затрудняет исследование.

Отметим лишь, что возникновение статусов в значительной мере связано с возникновением силовых ударений. В тоновых языках, каковыми являются чадские и многие из кушитских, синтаксическое положение имени в предложении часто может более отразиться на изменении тонового контура словоформы, чем на изменении огласовки, стяжениях и т. п.

§ 7. Число

1. Первоначально в афразийских языках различались единственное, двойственное и множественное число. Однако двойственное число оставалось продуктивным из исторически засвидетельствованных языков лишь в ранних: в семитских — староаккадском, эблаитском, угаритском, арабском литературном, а также в староегипетском. Из языков средней ступени оно сравнительно хорошо засвидетельствовано лишь в древнееврейском, в других языках и языках поздней ступени обнаруживаются лишь единичные, случайные реликты (арам, *t^qrên* 'два'; по-видимому, берб. ташельхит *m^qraŋ-in* 'двадцать'; чад. логоне *marar-en* 'грудь' и т. п.).

Двойственное число образовывалось помощью морфем $-\bar{a}$ - (в прямом) или $*-c > -a\bar{i}$ - (в косвенных падежах), помещавшихся после показателя рода и перед нунацией/мимацией (см. ниже), если таковая была.

Наиболее древним показателем множественного числа была, по-видимому, морфема $-\bar{a}$ -/ $-a$ -, помещавшаяся перед показателем рода или (весьма часто) инфигированная перед последним согласным именной основы: ед.ч. м.р. $C_1VC_2C_3[(q)u-]$, мн.ч. либо $C_1VC_2C_3-\bar{a}[-u]$ -, либо $C_1VC_2-\bar{a}-C_3[(a)u]$, ед.ч. ж.р. $C_1VC_2C_3-(a)t-$, мн.ч. $C_1VC_2C_3-\bar{a}-t-$. Этот тип образования множественного числа подробно прослежен по различным афразийским языкам Дж. Гринбергом [32]. По-видимому, этот $-\bar{a}$ - (собственно, $*-\hat{a}$ - ?) нес на себе контурное ударение, отсюда в некоторых южнопериферийных языках он распадается на два слога, и множественное число образуется по типу: м.р. $*-\hat{a}h\hat{a}-na$ (или $*-\hat{a}h\hat{u}/i-na$), ж.р. $*\hat{a}h\hat{a}-t-u$. Следы контурного ударения на морфах множественного числа наблюдаются и в аккадском: мн.ч. ж.р. $-\bar{a}-t-u-m$ (т. е. $[\hat{a}-t-u-m]$?), st. pron. $-\bar{a}-t-i-\bar{s}u$.

В чистой форме эта система образования множественного числа в исторически засвидетельствованных языках нигде не дошла. Древнейшие из них, староегипетский и староаккадский, развили другие системы оформления множественного числа, основанные на развитии по аналогии. Поскольку $-\bar{a}t$ - воспринималось как выражающее множественность путем удлинения показателя рода $-at$ -, в староаккадском языке аналогично и множественное число мужского рода стало выражаться удлинением конечной морфемы: ед.ч. им. пад. $-u$, род. пад. $-i$; мн.ч. им. пад. $-\bar{u}$, род. пад. $-\bar{i}$. (То же явление можно реконструировать и для всех других семитских языков.) Напротив, поскольку в староегипетском $*-\bar{a}u$ - (мн.ч. м.р.) целиком воспринималась как морфема множественного числа, постольку и множественное число женского рода стало плеонастически выражаться сочетанием морфем $*-\bar{a}u-\bar{a}t$ -; аналогичные образования спорадически встречаются и в чадских, берберо-ливийских и в семитских языках, например в арамейском.

.....

2. Следует отметить, что в двойственном и множественном числе, насколько можно судить по древнейшим, исторически засвидетельствованным семитским языкам, всегда различались только два «абстрактных» падежа, а именно: им. пад. $-\bar{u}$, род.-вин. пад. $-\bar{i}$. Отсюда можно выявить следующие исторически засвидетельствованные формы множественного числа:

ег.: м.р. $*-\bar{a}u-i$ (?), ж.р. $*-\bar{a}u-\bar{a}t-i$ (?).

§ 10. Числительные

Общеафразийская система числительных не реконструируется. Наиболее распространены основа $*fVdS$, $*-fVrS$ (с неясным исходным слабым согласным) 'четыре' и основа $*\bar{c}Vn$ 'два' в семитских ($*\bar{c}in-$ > $*tin$) берберо-ливийских (sin) и египетском (sn), но в кушитских этот корень означает 'одинаковость', 'близнецы'.

.....

§ 11. Предлоги

Мы помещаем предлоги в раздел имени по той причине, что исторически они все относятся к именам (частично, может быть, и к глагольным именам).

Обычно принято разделять семитские и египетские предлоги на первичные, неэтимологизируемые и являющие собой проклитики и вторичные с более или менее ясной именной этимологией. Однако на самом деле и так называемые первичные предлоги — именного происхождения. Так, общесемитский (отсутствующий только в аккадском и эблаитском)

предлог *bV- 'в' восходит к общеафраз. *bi- 'место' 'входить'. В эблаитском и пережиточно в староаккадском некоторые предлоги сохраняют следы склонения (*in* 'в'; *in-a* 'к'; *'ašt-u*, *'ašt-a* 'от'; *'ašt-i* 'вместе с'); в египетском предлоги могут образовывать притяжательные прилагательные (нисбы, например *n* и *n-y*).

Наконец, на именной характер предлогов указывает то, что все предлоги управляют в семитских языках (и, по-видимому, в египетском) родительным падежом, т. е. образуют вместе с управляемым именем атрибутивную синтагму. В староаккадском случаи управления предлогом локативными падежами крайне редки; такие случаи следует рассматривать как плеоназмы.

Наряду с предлогами в афразийских языках встречаются и послелого. Они образуются главным образом в чадских, кушитских, омотских языках в связи с явлением перемены порядка слов в предложении (см. ниже).

Общих для всех афразийских языков предлогов обнаружить не удастся; видимо, они образовывались поздно, в основном на уровне ветвей (семей). См. также § 5.

§ 12. Местоимения

Личные местоимения в афразийских языках могут быть субъектными, притяжательными и объектными (а также косвенно-объектными), при этом как самостоятельными, так и энклитическими (суффиксальными). Основы этих местоимений в большинстве афразийских языков восходят к общим прототипам.

Самостоятельные личные местоимения в прямом (абсолютном) падеже вводятся специальным указательным элементом (сем. *an-*, ег. *in-* и *nt-*, берб. *n-*, *nt-*, куш. *an-*, *a*¹⁶); в чадских также весьма распространена префиксация к личным самостоятельным местоимениям элементов указательного происхождения, например, в западночадском языке карекаре: *d(V)-*, в группе ангас — сура: *mV-/wV-/gV-*, в центральночадском языке мусгу: *tV-*; встречается также и суффиксация указательного элемента, или он отсутствует вовсе.

Именительный падеж самостоятельных местоимений не знаменует собой непосредственно субъект предложения, который уже отражен в местоименном префиксе или суффиксе глагольной формы, а служит для выделения или подчеркивания: «я именно», «а я», «я-то», «я же» и т. п.

Самостоятельные, как и другие личные, местоимения различаются по числам (единственное, двойственное¹⁷ и множественное) и по лицам (1-е и 2-е); местоимения 2-го лица различаются также по родам — мужскому и женскому. В роли местоимения 3-го лица всегда выступают те или иные указательные местоимения, для семитского, берберо-ливийских и египетского — от распространенной основы *šw(a) (м.р.), *šij(a) (ж.р.) (табл. 1).

Архаическим пережитком нужно считать наличие в ряде кушитских и чадских языков инклюзива («мы с тобой», основа *hVnV) и эксклюзива («мы, а не ты», основа *nV).

Притяжательные, объектные и косвенно-объектные самостоятельные местоимения сохранились как система только в аккадском, если не считать некоторых явно вторичных образований в афразийских языках поздней ступени.

Существенное значение для понимания первоначального строя афразийских языков вообще имеют египетские самостоятельные местоимения.

В «классическом» египетском имеются два типа самостоятельных местоимений — «независимые» и «зависимые» — и один тип суффиксальных:

¹⁶ В кушитских и особенно в омотских часто наблюдаются серьезные материальные и структурные изменения в местоимении. В некоторых случаях самостоятельные личные местоимения восходят здесь, возможно, к архаической финитной форме глагола существования. См. кн. 2 гл. «Кушитские языки».

¹⁷ В дальнейшем изложении мы для упрощения опускаем местоимения двойственного числа, всюду рано отмершие.

		«Независимые»	«Зависимые»	Суффиксальные
Ед.ч.	1-е л.	<i>in-k</i>	<i>wj</i>	-j ([-ja])
	м.р.	<i>nt-k</i>	<i>kw</i> , позже <i>tw</i> (*[čuwə])	-k ([-ka])
	2-е л.	ж.р. <i>nt-t̄</i> ([-č̄] < *-ki)	<i>tm</i> , позже <i>tn</i> (*[čima, čina])	-t̄ ([-č̄i] < *-ki)
	м.р.	<i>nt-f</i> ([f] < * <i>h̄u</i> < * <i>š̄u</i>)	<i>sw</i> (< * <i>suwa</i>)	-f ([-fu])
3-е л.	ж.р.	<i>nt-s</i>	<i>sj</i> ¹⁸ (< * <i>siā</i>)	-s ([-sV])
	1-е л.	<i>in-n</i>	<i>n</i> ([na]?)	-n ([-nV])
Мн.ч.	2-е л.	<i>nt-tn</i> ([-č̄in])	<i>tn</i> (-w) (* [či/unV])	-tn ([-či/unV])
	3-е л.	<i>nt-sn</i>	<i>sn</i> (-w) (* [si/nV])	-sn ([-si/unV])

Функционально различие между ними заключается в следующем: суффиксальное местоимение является исторически притяжательным (генитивным) и выражает принадлежность, а также субъект большинства глагольных форм; «независимое» местоимение является исторически личным местоимением прямого (абсолютного) падежа и выделяет подлежащее именного предиката¹⁹; «зависимое» местоимение исторически также является местоимением прямого (абсолютного) падежа и поэтому при «форме качества и состояния» (т. е. стative, форме по происхождению непереходной и даже именной) выражает субъект, а иногда и субъект собственно именного предиката; при предикате действия, как обычно для языков эргативного типа, оно же выражает прямой объект (исторически — субъект состояния, наступившего в результате действия). Кроме того, оно может выражать логический субъект в инфинитивных и адвербиальных оборотах.

В грамматиках древнеегипетского языка обычно указывается, что функцию именного предиката (вернее, указания на лицо предиката) несет только суффиксальное притяжательное местоимение. Для именного (причастного) предложения постулируются, однако, две параллельные конструкции, рассматриваемые практически как равнозначные (различающиеся стилистически): *ink nfr* '(это) я — добрый'; *ink š'c d dr-t-f* '(это) я — отрубивший его хобот'; но *h' sw* 'радующийся — он'. В первых случаях выступает «независимое» местоимение, в последнем — «зависимое»; считается, что оба выражают субъект именного предиката. Сравнение с семитскими конструкциями показывает, однако, что местоимение в прямом падеже может выражать как субъект, так и предикат: *hā'ir atta* '(это) ты — супруг' (личное местоимение выражает субъект); *annu šū* '(вот) этот' (личное местоимение выражает предикат). Не могло выражать лицо предиката лишь самостоятельное местоимение с подчеркивающей частицей, соответствовавшее египетскому «независимому» местоимению серии *in-*, *n-t-*. Прямого соответствия египетскому самостоятельному «зависимому» местоимению в семитском не сохранилось, но если *anāku, *antā, *antī, *suwa, *siā обозначают только подчеркивание субъекта, то их «зависимые» корреляты *-(ā)ku*, *(ā)ta*, *-(ā)ti* суффиксально оформляют лицо предиката состояния и именного предиката: *labš-āku* 'я одет'; *hā'ir-āta* 'ты супруг'. Мало того, личное местоимение *šū* 'он' в среднесемитских языках употребляется в качестве предикативной связки даже при 1-м или 2-м лице именного предиката: акк. *aḥū-'a šū* 'ты мой брат он' (т. е. 'ты есть мой брат'); др.-евр. *'attām ḥalalē harbī hēmmā* 'вы — пораженные меча-моего они' (т. е. 'вы суть пораженные моим мечом'). Очевидно, то же самое происходило и в египетском, и поэтому в *ink nfr* «независимое» местоимение действительно подчеркнуто выражает субъект именного предложения ('это я добр'), а в *h' sw* «зависимое» местоимение исторически передает предикативную связку ('радующийся он есть'), каково бы ни было его языковое восприятие впоследствии.

С точки зрения праафразийского языка египетские «независимое» и «зависимое» местоимения — одно и то же. Обычным личным местоимением в прямом падеже является «за

¹⁸ Имеется также местоимение *s-t*, где *-t* — формант, часто встречающийся в афразийских языках в подобных случаях.

¹⁹ В явно инновативной глагольной форме *sdm-f* однократного действия будущего времени «независимое» местоимение может также служить для подчеркнутого выделения субъекта действия, уже выраженного в глагольной форме: явление, безусловно, вторичное.

висимое» [не объяснено еще 1-е л. ед.ч. «зависимых» местоимений (из двойственного числа?)]. «Независимое» местоимение исторически является эмфатически подчеркнутым личным местоимением в прямом падеже с ударным демонстративным префиксом *in-*, *nt*²⁰⁻⁴⁴ и соответственно стяжением в собственно значащей части. Полной его аналогией являются семитские местоимения **'anāku*, **'antā* и т. д.

Следует остановиться на еще одной архаичной серии местоимений в египетском языке, которые имеют аналогии в семитских:

Ед.ч.		Египетский	Аккадский (ассирийский диалект)
2-е л.	м.р.	<i>twt</i> ([* <i>č</i> u(ṽ) <i>āt</i> i])	<i>ku</i> (ṽ) <i>āt</i> i
	ж.р.	<i>tmt</i> ([* <i>č</i> im <i>āt</i> i])	<i>ku</i> (ṽ) <i>āt</i> i (но ср. берб. <i>kim</i>)
3-е л.	м.р.	<i>swt</i> ([* <i>s</i> u(ṽ) <i>āt</i> i])	<i>š</i> u' <i>āt</i> i
	ж.р.	<i>stt</i> ([* <i>s</i> it <i>āt</i> i])	<i>š</i> i' <i>āt</i> i

В староассирийском диалекте аккадского языка это самостоятельные личные местоимения общекосвенного падежа; в вавилонском диалекте соответственные местоимения выражают объект в винительном или родительном падеже; в эблаитском языке и в вавилонском диалекте аккадского аналогично образуются также самостоятельные личные местоимения дательного падежа (с показателем *-š-* вместо *-t-*; аналогии этому есть в некоторых кушитских). В староегипетском эти местоимения утратили уже свой падежный характер и свободно чередовались с «независимыми» местоимениями прямого падежа и вскоре вымерли. Праегипетский, не имея, видимо, особого способа выражения глагольного прямого объекта как отличного от субъекта состояния (результата действия), вряд ли имел нужду в самостоятельных личных местоимениях прямого объекта; вероятно, данные местоимения первоначально выражали, как и в староассирийском, общекосвенный падеж (в том числе и родительный-эргативный).

Самостоятельные личные местоимения общекосвенного падежа находились на стадии вымирания уже в самом раннем староегипетском, поэтому существенными для понимания египетской грамматики и ее места среди других афразийских языков являются только обычные «независимые» и «зависимые» (личные местоимения в прямом падеже) и суффиксальные (притяжательные).

Существенно, что личное местоимение в прямом падеже не может выражать субъект глагольного предиката, кроме «формы качества и состояния» («псевдо-партиципа», т. е. статива). Эту функцию несут только суффиксальные местоимения. Последние вообще выражают в египетском: 1) притяжание²¹, 2) подлежащее глагольного предиката (кроме формы «качества и состояния»). Из этого следует, что суффиксальные местоимения суть по своему характеру местоимения косвенного, а именно родительного падежа.

Таким образом, в египетском в прямом падеже стоял субъект именного предиката и «формы качества и состояния», именной по своему исконному происхождению, а также прямой объект действия (как субъект состояния, наступившего в результате действия). А субъект глагола действия (в том числе сначала не только переходных, но и непереходных глаголов действия, а затем и вообще непереходных глаголов, не означающих качества или состояния) выражался косвенным, а именно родительным падежом. Другими словами, в египетском господствовала не номинативная, а посессивная конструкция, являющаяся разновидностью эргативной²². Личное местоимение в прямом падеже (обычно интонационно выделяющее подлежащее, а также предикат) в других афразийских языках представляет часто по форме аналогию египетскому «независимому», так как тоже вводится специальной указательно-местоименного происхождения частицей *'an-* (в 1-м и 2-м л.); в берберских оно вво

²⁰ Эта же частица нередко вводит и субъект при причастно-глагольном предикате.

²¹ Сюда же относится и выражение логического объекта при инфинитивах переходных и логического субъекта при инфинитиве непереходных глаголов.

²² Это обстоятельство было впервые замечено М. Э. Матье.

дится в некоторых случаях той же частицей *nt-*, что и в древнеегипетском. Однако в ряде случаев (в тех же берберо-ливийских) встречаются и личные местоимения в прямом падеже, формально совпадающие с египетскими «зависимыми».

К вопросу о положении в чадских языках мы еще вернемся позже.

В семитологии принято отличать личные (субъектные) показатели в глаголе как элементы глагола от суффиксальных притяжательных, объектных и косвенно-объектных местоимений. Суффиксальные притяжательные местоимения могут стоять при имени или при предлогах (возникших из имени) в качестве их определения. Объектные суффиксальные местоимения употребляются при глаголе и только потому не относятся к числу собственно глагольных элементов, что без субъектных личных показателей спрягаемая форма глагола (по крайней мере в 1-м и 2-м л.) существовать не может²³, в то время как возможны глагольные формы без именного показателя объекта и тем более без местоименного показателя косвенного объекта. Но по происхождению субъектные личные форманты в глаголе тоже восходят к местоимениям, а так как здесь мы касаемся прежде всего генетических вопросов, то мы имеем право рассматривать их в одном ряду с другими местоименными показателями. В таком случае мы можем различать в афразийских языках аффиксальные местоимения пяти типов: 1) префиксальные (префиксально-суффиксальные) личные приглагольные субъектные местоимения, 2) суффиксальные личные приглагольные субъектные местоимения (местоимения прямого падежа), 3) суффиксальные притяжательные местоимения (местоимения родительного падежа), 4) суффиксальные объектные местоимения, 5) суффиксальные косвенно-объектные местоимения (местоимения дательного падежа).

(1) Префиксальных личных приглагольных местоимений (выражающих субъект действия) нет в египетском языке, и, согласно Ньюэну и Шу [43], нет их и в чадских. (См. ниже, а также кн. 2 гл. «Чадские языки».) Это связано с существовавшей в этом языке (или в этих языках) посессивной конструкцией, вследствие чего лицо субъекта глагольной формы выразилось здесь суффиксальным притяжательным местоимением.

.....

(2) Суффиксальные личные приглагольные местоимения прямого падежа в принципе отличаются от самостоятельных личных местоимений прямого падежа (подчеркивающих, «не зависимых») отсутствием указательного элемента *'an-* и являются энклитическим вариантом самостоятельного личного местоимения прямого падежа типа египетского «зависимого», с которым имеют много сходства (см. табл. 4). Они существуют в семитских, в так называемых «зависимых» глаголах кушитских языков сидамской группы²⁴, в некоторых берберских (зуауа, ауджила), в египетском, в восточночадском языке муби (а также реконструируются в некоторых кушитских и омотских при вспомогательном глаголе, послужившем путем сложения его со значащей именной глагольной основой для образования нового типа суффиксального спряжения²⁵). Предикат с таким суффиксальным местоимением первоначально обозначал формы, выражающие наступившее и длящееся состояние; о дальнейшем развитии см. § 13.

(3) Суффиксальные притяжательные местоимения присоединяются либо непосредственно, либо при помощи «частицы родительного падежа» *-n-* (*-t-*), в бедауйе *-(i)u-* и др. (табл. 2).

.....

---

²³ Ср., однако: в египетской глагольной форме *sdm-f* суффиксальный показатель с у б ъ е к т а действия необязателен, если этот субъект присутствует в предложении в виде имени. Аналогично в ряде чадских языков.

²⁴ В сидамских языках при наличии цепочки предикативных слов только одна (главная) глагольная форма получает оформление, характерное для типично кушитских вторичных глагольных образований, остальные же считаются «зависимыми» и их суффиксальная часть оформляется подобно афразийскому стиву.

²⁵ В большинстве кушитских языков древний местоименный морф уже почти невозможно вычленишь из глагольной словоформы.

В качестве *nota genitivi* выступает обычно указательно-относительное местоимение, не совпадающее с личным местоимением 3-го лица, которое, конечно, по происхождению тоже является указательным. Семитские языки употребляют *nota genitivi* основы $*\text{ʕ}/*\text{č}$ - ($> d$ - $> d$ - или z -; акк. $*\text{č} > \text{š}$ - в традиционной транскрипции); в староаккадском *nota genitivi* еще изменяется по родам и лицам; египетский, чадские и берберские языки используют основу *n*, обычно изменяемую по родам, (ж.р. $n-t$ - $> t$ -), а в египетском способную даже образовать относительное прилагательное (нисбу) *n-y*, *n-y-t*. В то же время в египетском *nota genitivi* применяется и как предлог (вероятно, в результате контаминации с афразийским предлогом *IV*-, сохранившимся в большинстве семитских; *n*- — закономерный рефлекс $*l$ - в египетском).

.....

По-видимому, тот же дейктический элемент, который был использован для *nota genitivi*, употреблялся и для демонстративного префикса в личных самостоятельных «независимых» местоимениях, по крайней мере в египетском и берберо-ливийских.

.....

Указательный характер (для дальнего и дальнего невидимого дейксиса) имела общеафразийская основа *m*-. В исторически засвидетельствованных афразийских языках к этой основе помимо мимации/нунации и именного форманта *mV* — восходят главным образом вопросительные (и неопределенные) местоимения, например семитские: акк. *man(n)*- 'кто?', *mīn*- 'что?'; др.-евр. *mī* 'кто?', *mā* 'что?'; араб., араб. *mān* 'кто?', *mā* 'что?'; кушитские: сомали *ma* — частица вопроса, *mā-hei* 'что?'; берберо-ливийские: ахаггар *mi(-t)* 'кто', *ma(-t)* 'что?'; ег.: *m* 'что?', 'кто?'; чадские: хауса *me*- (со связкой) 'что?'.
.....

Таблица 1

Самостоятельные личные местоимения прямого падежа

Язык Число, лицо, род		Семитские (реконструкция форм)	Египетские «независимые»	Берберо- ливийские (ташельхит)	Кушитские ¹		Чадские ² (западночадские)	
					бедауйе	сомали	хауса	ангас
Ед. ч.	1-е	*'an-āku, *'an-ā, *'anī,	<i>in-k</i>	<i>nki</i>	<i>anī</i>	<i>ana, anū</i>	<i>ni</i>	<i>gn]n</i> (< *g(n)- āni ?)
	2-е м. ж.	*'an-tā (< *'an-ka ?) *'an-tī (< *'an-ki ?)	<i>nt-k</i> <i>nt-t</i> ([-ĕ])	<i>kii</i> <i>kimi</i>	(вторичные образования)	<i>ada, adī</i> (< *ata, *atī)	<i>kai</i> <i>kē</i>	<i>ḡ-hā</i> (< *g-kā/g-k ^w a) <i>yi</i> (< *g-k ^w i ?)
	3-е м. ж.	*šuu- *šij-	<i>nt-f</i> (< *-šy-) <i>nt-s</i>	<i>nt-a/q</i> <i>nt-q-t</i>		<i>ū</i> (<i>usa, isa-</i>) <i>aḷ</i> (<i>iija-</i>)	<i>šī</i> (< *sī) <i>ita</i>	<i>ny</i> (из другого указ. местоим.)
Мн. ч.	1-е	*'na-ḥna/u, *'ana-ḥna/u	<i>in-n</i>	<i>nkunnq</i> (ж.р. <i>nkqnti</i>)	<i>hanin</i> (< *ḥan-)	<i>anna</i> (-ga) <i>inna</i> (-ga)	<i>mū</i>	<i>mān</i>
	2-е м. ж.	*'an-tumu (< *'an-kumu ?) *'an-tina (< *'an-kina ?)	<i>nt-tn</i>	<i>kunnq</i> <i>kunqmti</i>	(вторичные образования)	<i>aḷdin-ga</i>	<i>kū</i>	<i>wān</i> (< *k ^w un ?)
	3-е м. ж.	*šumu *šina	<i>nt-sn</i>	<i>nit-ni</i> <i>nit-qnti</i>		<i>aḷ</i>	<i>sū</i>	<i>m]</i>

¹ Приведены наиболее архаичные.² Чадские местоимения других групп (центральной, восточной) несколько напоминают омотские и, подобно им, являются результатом длительного позднейшего развития от праязыкового состояния. Некоторые из них образовались из спрягаемой формы глаголов типа «быть». Ср., однако, омотские личные местоимения мн.ч. 1-го л. *nu*, (*in*)*no*, 2-го л. *inte/ō* и т. п.³ Начальное g-, видимо, из указательной частицы *g^w- или *k-, встречающейся также в кушитских местоимениях, // сем. 'an-.

Таблица 2

Суффиксальные притяжательные местоимения

Язык Число, лицо, род		Семит- ские (рекон- струк- ция)	Кушитские (бедауйе) ¹	Берберские (ташельхит)	Египет- ский	Чадские (западночадские)					
						западные (хауса)	центрально- ные (мусгу)	восточные (логоне)		восточные	муби ³
								м.р.	ж.р.		
Ед. ч.	1-е	*-ī, -iā	-ū	-i, -n-i	-j	-na	-a	-á-'u	-ná-'u	-i	-jō
	2-е м. ж.	*ka *ki	-ū-ka ([< *-k ^w a]) -ū-ki	-k, -n-k -m (< *-kim), -n-qm	-k -t ([-č])	-ka -ki	-ku	-a-ku	-na-ku ²	-dá -jí	-dà -ji-gm
	3-е м. ж.	*šū *ši	-ū-s -ū-s	-s, -n-s -s, -n-s	-f (< *-šw) -s	-sa -ta	-n-i -n-ita	-a-ni -á-i	-na-ni -na-i	-a-t -jī	-d-ì -jī
Мн. ч.	1-е	*na/u/i	-ū-n	-una, -n-na, -t-na	-n	-mu	-ti	-anqn, -amu ⁴	-na-mu	-jì-né (общ. род)	
	2-е м. ж.	*kumu *kina	-ū-kna -ū-kna	-un, -nn-un, -t-un -um-t, nnqm-t, -t-um-t (-n-kun-t)	-tn ([-čn])	ku	-ki	-ákun	-na-kun	-jù-gùt	
	3-е м. ж.	*šumu *šina	-ū-sna -ū-sna	-sqn, n-sqn, t-sqn -sqn-t, n-sqn-t, t-sqn-t	-sn	su	-nagai	-á-tqn	-na-tqn	-jō	

¹ Кушитские формы весьма разнообразны, приводим наиболее архаичные.

² В языке будума различается 2-е л. м.р. -(u)gu и ж.р. -yum.

³ Во многих восточночадских языках наблюдаются и еще более значительные отклонения от общеафриканского прототипа.

⁴ В языке будума это местоимение — общего рода, -mu — инклюзив, -n(a)i — эксклюзив.

§ 13. Глагол

1. При достаточном разнообразии глагольных структур в различных афразийских языках для большинства из них характерно различие сначала «действия» и «состояния», затем «переходности» и «непереходности», а в пределах глаголов действия — различие видов²⁶ — мгновенного и длительного. При замене противопоставления «действие–состояние» противопоставлением «переходность–непереходность» особая форма предиката состояния становится ненужной, видовые формы эволюционируют в виды совершенный и несовершенный, а затем во времена прошедшее и настоящее-будущее; позже возникают и более сложные формы времен. Глагол спрягается по лицам субъекта с помощью аффиксальных местоименных показателей, о которых уже говорилось выше, а при глаголах действия (как переходных, так и глаголах движения) может иметься и показатель объекта в виде суффиксального местоимения.

7...В настоящее время общепризнано, что перфективное употребление формы *qatal(a)* в центрально- и южносемитских языках является вторичным; не только в аккадском, но и в других семитских языках древней ступени эта форма была редка и, по-видимому, первоначально употреблялась для предикатов состояния, другими словами, была вполне аналогична не только по форме, но и по значению аккадской и древнеегипетской формам «качества и состояния, наступившего в результате действия», т. е. аккадскому «стативу», древнеегипетскому «псевдопартиципу».

Если же мы перейдем к группе языков, где отсутствует древнее префиксальное спряжение, мы обнаружим, что и здесь предикат состояния — суффиксально спрягаемый статив — тот же самый. Одна из египетских глагольных форм — уже обсуждавшаяся выше, так называемая форма качества, состояния и результата действия, иначе обозначаемая как «псевдопартицип», или (ошибочно) как «старый перфект», — давно сравнивается с аккадским стативом, так как почти полностью совпадает с ним по значению и во многом сходна и по форме. Аналогична и форма так называемого претерита II, или «суффицирующая форма перфекта», в восточноахадском языке муби.

Все эти типичные афразийские формы, по происхождению являющиеся предикатами состояния или стативами, имеют единообразное спряжение, представляющее собой суффиксацию усеченной формы личного местоимения прямого падежа к основе имени, по-видимому прежде всего к основе причастия состояния (отглагольного прилагательного).

8. В египетском все «спрягаемые» формы, помимо «псевдопартиципа» (статива), состоят из глагольной основы (вероятно, глагольного имени типа причастия или имени действия) и местоимения, присоединяемого к глаголу либо непосредственно, либо при помощи частиц и служебных слов (предлогов). Лишь в форме качества и состояния («псевдопартицип») субъектные показатели можно рассматривать непосредственно как глагольные форманты, но мы видели, что именное происхождение и этой формы вероятно. В «псевдопартиципе» глагольная конструкция возникла из сокращенного именного предложения «я — слушающий (есмы)», или (что генетически то же самое) из аппозитивной конструкции (имя и причастие) «я, слушающий», поэтому субъектные показатели лишь здесь восходят к местоимениям прямого падежа. Во всех других древнеегипетских глагольных формах показатели субъекта — не собственно глагольные форманты, а притяжательные местоимения, т. е. мы имеем здесь

²⁶ Не времен: их афразийский глагол первоначально не имел. Обычно этот факт оговаривается в любой грамматике, однако это не мешает (по традиции, идущей еще от XVII в. и являющейся результатом механического переноса категорий латинской грамматики на другие языки) обозначать афразийские видовые формы как «времена».

дело исторически с определительной («услышание мое» или «слышимый мой») или обстоятельственной конструкцией («слышимое для меня»). Поэтому-то если субъект действия выражен в предложении не местоимением, а именем, то при глаголе особый формант, который являлся бы субъектным показателем, вообще не ставится: *sdm-j* 'я слушаю'; *sdm-k* 'ты (м.р.) слушаешь'; *sdm-t* 'ты (ж.р.) слушаешь'; *sdm-f* 'он слушает'; *sdm-s* 'она слушает' [точно так же, как: *pr-j* 'мой дом'; *pr-k* 'твой (м.р.) дом'; *pr-t* 'твой (ж.р.) дом'; *pr-f* 'его дом'; *pr-s* 'ее дом'], но *sdm z3-j* 'слушает сын мой'. Как *sdm-f*, так и *sdm z3-j* равно являются определительными конструкциями²⁷. Из этого следует, как мы уже упоминали выше, что если субъект качества или наступившего состояния, выражаемого «псевдопартиципом», стоит в прямом падеже, то субъект действия стоит в косвенном (родительном).

Таблица 4

Статив в афразийских языках

Число, лицо, род	Язык	Аккадский статив	Семитские		Египет- ский	Берберо- ливийские	Кушитские (си- дамо)	Чадские (муби)
			новый перфектив («перфект»)					
			эфиоп- ский	арабский				
Ед. ч.	1-е	<i>-ā-ku</i>	<i>-kū</i>	<i>-tu</i>	<i>-kw-j</i> ²	<i>-ḏy (< *-akk)</i>	<i>-e</i>	<i>-na</i>
	2-е м. ж.	<i>-ā-ta</i> <i>-ā-ti</i>	<i>-ka</i> <i>-k</i>	<i>-ta</i> <i>-ti</i>	<i>-t-j</i>	<i>-ḏy (< *-att)</i>	<i>-te</i>	<i>-ga (< *-ka)</i> <i>-ge (< *-kaḏ)</i>
	3-е м. ж.	<i>-ḏ¹</i> <i>-at¹</i>	<i>-a¹</i> <i>-at¹</i>	<i>-a¹</i> <i>-at¹</i>	<i>-w/j</i> ³ <i>-t-j</i>	<i>-ḏ¹</i> <i>-at¹</i>	<i>-e</i> <i>-te (< *-tḏ)</i>	<i>-g-u⁴</i> <i>-g-i⁵</i>
Мн. ч.	1-е	<i>-ā-nu</i>	<i>-na</i>	<i>-na</i>	<i>-wjn</i>		<i>-ne</i>	<i>-ne</i>
	2-е м. ж.	<i>-ā-tunu</i> <i>-ā-tina</i>	<i>-kḏmī</i> <i>-kḏn</i>	<i>-tunu</i> <i>-tunna</i>	<i>-t(j)wn-j</i>	<i>-it⁷</i>	<i>-tine</i>	<i>-gun (< *-kun)</i>
	3-е м. ж.	<i>-ū¹</i> <i>-ā¹</i>	<i>-ū¹</i> <i>-ā¹</i>	<i>-ū¹</i> <i>-na</i>	<i>-w¹</i> <i>-t-j</i>		<i>-ne</i>	<i>-g-o⁶ (< *-g-āḏ)</i>

¹ Это окончания имени м. и ж.р. в ед. и мн.ч. в форме, выражавшей именную предикат (т. е. в st. indeterminatus, или абсолютном падеже).

² Окончание *-j* не объяснено. Одна из точек зрения, которая сейчас не представляется нам убедительной, рассматривает это *-j* как реликт префиксально спрягаемого вспомогательного глагола. Учитывая исключительный архаизм египетского языка, трудно представить себе, чтобы он успел уже создать и потерять префиксальное спряжение глагола к моменту, когда в современном ему аккадском языке «классическая» система префиксально спрягаемых глаголов была еще на своей ранней стадии развития. Поэтому более вероятно, что *-j* — предикативная связка указательно-местоименного происхождения.

³ *-w* здесь окончание имен м.р., в том числе в роли предиката. Окончание *-j* — того же происхождения, что и в остальных случаях; на письме (орфографически) передается только какое-либо одно из этих окончаний.

⁴ *g- < *k-* — указательный элемент, окончание *-u* — древний показатель м.р. имени.

⁵ *g- < *k-* — указательный элемент, окончание *-i < *-ai* — древнейший показатель ж.р. имен и местоимений (показатель ж.р. *-t-* первоначально, по-видимому, имел другую функцию).

⁶ *g- < *k-* — указательный элемент, окончание **-aḏ* идентично египетскому *-w [-aḏ]* и является показателем мн.ч. м.р. имени, альтернирующим с *-ū*.

⁷ Вероятно, архаическая форма множественного числа прилагательных, идентичная аккадскому *-ūt-*.

²⁷ Поссесивный по своему происхождению характер древнеегипетской глагольной конструкции не подлежит никакому сомнению, поэтому несостоятельно предложенное О. Рёсслером объяснение суффиксального характера древнеегипетского спряжения простой перестановкой субъектного показателя в связи с предполагаемым изменением порядка членов предложения. К тому же и морфологически древнеегипетские субъектные суффиксы не имеют ничего общего с общеафразийскими субъектными прилагательными префиксами.

По образцу формы *sdm-f* в виде псевдоопределяющей или псевдопредложной конструкции образуются и другие «спрягаемые» глагольные формы древнеегипетского языка: *sdm-n-f*, *sdm-in-f*, *sdm-hr-f*, *sdm-k3-f* и т. д.

По мнению автора прекрасной работы о древнеегипетском глаголе В. Вестендорфа [48], исходной формой для образования глагольной формы *sdm-f* является пассивное причастие в роли предиката именного предложения: *mr sn* 'возлюблен брат', где логический субъект выражается определением к предикату в форме родительного падежа (в форме притяжения): *mr it sn* 'возлюбленный отца — брат'; *mr-f sn* 'возлюбленный его — брат'. Форма эта была нейтральна в видовом отношении, но кроме нее имелось еще и причастие несовершенного вида типа *mrr*²⁸. Однако на письме (а частично, может быть, и в языке) эти две формы были различимы не всегда. По этой или иной причине в древнеегипетском выработалась другая конструкция: *mr-n-f* 'возлюблен для него', за которой и закрепилось перфективное значение, т. е. значение совершенного вида; при этом форма *mr-f* стала означать только несовершенный вид (имперфектив), а форма *mrr-f* — длительность или многократность действия.

При этом В. Вестендорф полагает, что первоначально перфектив выражался «псевдопартиципом» равно для переходных и непереходных глаголов, а имперфектив — префиксальным спряжением типа акк. *'i-prus*; затем для переходных глаголов «псевдопартицип» уступил место форме *sdm-n-f*, а префиксальное спряжение — форме *sdm-f*; и, наконец, эти формы вытеснили и «псевдопартицип», и имперфектив с префиксальным спряжением также и в непереходных глаголах. С этой реконструкцией согласиться нельзя. Маловероятно, чтобы «псевдопартицип», учитывая его характер и происхождение, когда-либо передавал совершенный вид переходного глагола²⁹. Превращение формы, передающей качество и наступившее состояние, в форму совершенного вида вообще теоретически мыслимо и практически наблюдается, но трудно представить себе, чтобы эта форма, раз начав выражать совершенный вид вообще, затем потеряла бы эту функцию и вернулась бы к выражению только наступившего состояния. К тому же, как показано выше, эта форма в роли перфектива (а не статива) появляется в афразийских языках поздно, и притом только в одной группе центральносемитских языков.

К этому следует добавить, что предположение, будто основой, от которой якобы образовались глагольные формы типа *sdm-f*, всегда служила одна и та же модель, а именно «пассивное» причастие, весьма сомнительно и по другой причине: есть основание думать, что в основу финитной формы легли различные по огласовке формы глагольного имени: ср. афраз. **hmm*, **hsb* ~ ег. *hmm* (с палатализацией, т. е. из **himim-*), но *hsb* (без палатализации, следовательно, с другой огласовкой, например *hasab-*). О предполагаемом афразийском «пассиве» см. ниже.

Более вероятно, что в египетском языке префиксальных форм спряжения вообще никогда не существовало и в связи с выработавшейся здесь посессивной конструкцией спрягаемые формы глагола действия возникли непосредственно из доглагольной стадии (или, во всяком случае, до выработки префиксального спряжения) в виде форм *sdm-f*, *sdm-n-f*, т. е. именных определяющих и обстоятельственных оборотов.

11. П а с с и в . Предполагается, что в египетском существовала развитая система пассива. Система пассива пронизывает всю структуру арабского языка, где любая причастная или

²⁸ В этом мы не можем согласиться с Б. Вестендорфом. В афразийских языках причастия, как правило, не имеют вида. Надо полагать, что формы типа *mrr* были причастием длительного (габитативного, дуративного) действия или состояния, на что указывает и дальнейшее семантическое развитие этой формы, а также параллели в берберской морфологии.

²⁹ Некоторая тенденция развития в этом направлении, наблюдаемая и для аккадского статива, несомненно, является поздней, и связана с общей перестройкой от эргативной (или посессивной) к номинативной конструкции с вытекающими из нее изменениями значения переходности и характера видо-временной системы для общей структуры глагола; эта тенденция имеет место внутри уже сложившейся структуры глагола в том виде, в каком она исторически засвидетельствована.

спрягаемая глагольная форма имеет активный и пассивный варианты³⁰. Почти так же обстоит дело в древнееврейском и староарамейском. Однако в других афразийских языках положение сложнее. В большинстве афразийских языков — кушитских, берберских, из семитских языков — в эфиопском и аккадском и в более поздних арамейских — пассивное значение вторично получают возвратные формы глагола. В некоторых восточнокушитских языках вообще фактически господствует эргативная структура предложения (противопоставление «действие–состояние»), при которой образование настоящего пассива исключается, поскольку нет возможности выразить глагольное действие с точки зрения его логического объекта и само понятие прямого объекта чуждо эргативной грамматике.

Складывается впечатление, что в афразийских языках первоначально пассива не было. Для того, чтобы внести в этот вопрос ясность, необходимо обратиться к египетскому как древнейшему из языков, где предполагается существование развитого пассива.

В. Вестендорф, посвятивший монографию специально древнеегипетскому пассиву [48], пишет: «В египетском... противопоставление "актив — пассив", во всяком случае в период возникновения суффиксального спряжения, отнюдь не было тем, что обычно видят в противопоставлении "формы действительной" и "формы страдательной". Пассив здесь вовсе не используется для того, чтобы передать логический объект в качестве грамматического подлежащего; актив отличается при той же глагольной форме от пассива только тем, что в одном случае действующее лицо (логический субъект) упомянуто, а в другом — нет. Речь, таким образом, не идет о различных формах с разной огласовкой, и синтаксически объект и субъект не меняются местами, как, например, в предложениях "отец любит брата" и "брат любим отцом"; вопрос о том, следует ли обозначать форму как "активную" или "пассивную", зависит исключительно от того, обозначено или не обозначено действующее лицо. Но даже когда оно обозначено, оно играет лишь второстепенную роль, так как включается в виде родительного падежа в двучленное предложение, состоящее из пассивного причастия (в качестве предиката) и логического объекта (в качестве грамматического подлежащего). Употребление пассива первоначально не является стилистической категорией: нельзя произвольно выбрать конструкцию либо "он любит брата", либо "брат любим им", ради того чтобы подчеркнуть тот или иной член предложения. Выбор конструкции предписан наличием или отсутствием действующего лица; таким образом, пассив имеет первоначально грамматическую функцию, подобную пассиву в классическом арабском, который может быть употреблен только тогда, когда о лице, которое производит действие, по тем или иным причинам нужно умолчать» [48, с. 7].

Аналогия с арабским здесь не вполне уместна, так как в арабском пассив — особая глагольная форма с особой огласовкой; в египетском же пассив первоначально не особая форма, а особое употребление той же формы, которая обслуживает и актив, а именно безличное. Да и основа в египетском «глагольном» предикате отнюдь не пассивное причастие, разве что причастие состояния, а скорее, как мы видели выше, имя действия. Таким образом, если отвлечься от причастных оборотов и позднейших типов пассива, возникших из безличных и рефлексивных форм, то можно сказать, что первоначально в египетском пассивного залога, который противостоит активному как выражающий точку зрения объекта и рассматривающий объект как грамматическое подлежащее, не было, но была форма, выражавшая состояние, — статив. Мы можем поэтому рассматривать и семитский пассив как центральносемитское новшество. Не случайно его нет в архаичных периферийных языках — аккадском и эфиопском³¹.

Из других афразийских языков нечто вроде пассива имеется, например, в хауса (огласовка *-i* последнего слога глагольной основы). Однако и эта форма не вполне подпадает под определение пассива: она выражает также возможность применения действия: *ja ʔafu* 'это

³⁰ Так, перфектив пассива — *qutla*, имперфектив — *ju-qtal-u*, пассивное причастие — *ta-qtül-u-n* и т. д.

³¹ Принято считать эфиопский язык менее архаичным, чем древние южноаравийские, которые уже обладали пассивом. Однако после новейших работ Р. Хеэрона нет оснований считать праэфиопский менее архаичным, чем, скажем, сабейский [36]. Изоглосса пассива до него не дошла.

можно сварить, это варимо', и это значение, быть может, и является первоначальным по сравнению со значением 'это сварено'. Согласно Б. Г. Лемешко, эта форма — не пассив, а статив. Таким образом, даже там, где в афразийских языках «пассив» налицо, он является первоначально формой выражения безличного действия, а не противостоит активу как форма, в которой логический объект выражается как грамматическое подлежащее.

В литературе отмечается идентичность образования статива в хауса и «пассива» в египетском (*s_{dm}-w*), сходных также с формой хаусанского имени действия на *-ya*. В семитских языках причастие состояния и близкие к нему глагольные имена имеют *ū/u* (или *ī/i*) в качестве уже внутренней флексии: так, причастия др.-евр. *qāṭūl*, араб. *qqūl* и чаще *qqīl*, эф. *qqddūs* 'священный, святой' (порода D), араб., *maqṭūl-*, акк. *parīs-*, но ср. также *karūb-* 'благословенный' и др.; аналогично и спрягаемые формы пассива — др.-евр. *quṭtal* (порода D), араб. *qqīl*, араб. *qutla*. Уже разнородность огласовки указывает на вторичное развитие спрягаемых форм пассива. Пассивный имперфект образуется с префиксом *ḵu-*, заменяющим *ja-* действительного залога. Эта форма, вероятно, первоначально возникла в непереходных глаголах, откуда впоследствии, например, в арабском была вытеснена формой префикса активного переходного имперфектива. Вообще, арабский имперфектив пассива *ḵu-qtal-u* по форме и по происхождению, вероятно, не что иное, как древняя форма непереходного ингрессива; пассивный древнееврейский имперфектив породы D *ḵq-quṭ-tal* < *ḵu-quṭtal. несомненно, восходит к *ḵu-qattal и образован по аналогии с *ḵu-qtal. В египетском вторичный пассив выработался из формы с безличным местоимением *tw*: "*tw sdm-f* 'некто слышит'; *s_{dm}-tw-f* 'он слышим (кем-то)'. В берберских это же (по А. Клингенхебену) *tiḵ использовано в качестве форманта производных возвратно-пассивных пород и включается внутрь глагольной формы: *i-tiḵ-zra* 'увиден'; *i-tiḵ-zri* 'видим'. Разумеется, эта форма не имеет никакого отношения к аккадскому «перфекту», первоначально выражавшему последовательность действий ('*i-p-ta-ras* при корне *prs), ср. ниже, к лишь позже оттеснившему старый перфектив в его форме субъюнктивного наклонения в придаточные, вопросительные и отрицательные предложения.

Выше мы уже отмечали, что:

1) именительный падеж употреблялся при имени исключительно для выражения глагольного субъекта, а не для простого наименования предмета;

2) семитский винительный падеж, вероятно, восходит к абсолютному падежу субъекта состояния [они частично совпадали в древнейшей форме староаккадского и в аморейском и не различаются в некоторых кушитских языках (по-видимому, не различались и в пракушитском)];

3) в ряде кушитских и омотских продолжает различаться «номинативный» (эргагивный) падеж на **-i/u* от абсолютного нулевого падежа, обслуживающего также прямой объект действия (= субъекту состояния, вытекающему из действия);

4) в глаголе местоименный показатель субъекта действия (и лишь вторично субъекта состояния, которое первоначально не выражалось глагольным предикатом) восходит не к прямому, а к косвенному падежу местоимения;

5) в египетском языке при глагольной «форме качества и состояния» господствовала конструкция прямого падежа, но при глаголах действия — не номинативная, а посессивная конструкция (т. е. конструкция, требующая постановки субъекта в косвенном — в данном случае родительном — падеже);

6) в непереходном (ингрессивном) глаголе, вероятно, не было видов, а категория собственно состояния вообще передавалась только именным предикатом;

7) глаголы действия имели фактически «двустороннее» согласование с субъектом действия (через субъектные местоименные элементы глагола) и с субъектом наступающего в результате него состояния (т. е. с прямым объектом через «суффиксальные» местоименные элементы);

теперь к этому мы можем прибавить, что

8) в афразийских языках первоначально не было и противопоставления активного и пассивного залога и что пассив развился здесь вторично из безличных и рефлексивных форм. Все это делает почти несомненным, что афразийские языки первоначально обладали эргативной конструкцией предложения, еще сейчас сохраняемой в ряде кушитских.

.....

12. Наклонения... В египетском языке, если глагол в придаточном предложении относится к имени в женском роде, то к основе глагола (которая, как уже упоминалось, по видимому, часто является по происхождению причастием) присоединяется окончание женского рода (перед соответственными местоименно-притяжательными показателями, указывающими на субъект). Таким образом, если в изъявительном наклонении *sdm-f* 'он слышит' означает структурно «слышимый его» или «слышание его», то в сослагательном наклонении *hm-t sdm-t-f* 'женщина, которую он слышит' означает «женщина, слышимая его». Здесь мы имеем непосредственное тождество глагольной формы с именной конструкцией. Несколько иначе обстоит дело с женским родом определяемого в тех кушитских языках, где мы встречаемся с номинализацией спрягаемой формы глагола в придаточном предложении. Здесь придаточное предложение рассматривается как определение-прилагательное, и если относится к слову женского рода в главном предложении, то в целом получает окончание имен женского рода *-t*.

Таким образом, из известных нам семитских наклонений юссив есть первоначально особый случай употребления старого перфектива; аккадский и эфиопский субъюнктив и возникший из этой же формы новый центральносемитский, имперфектив являются, видимо, результатом хорошо известного нам по эргативным языкам древней Передней Азии явления номинализации спрягаемой формы глагола придаточного предложения [с помощью локативного показателя *-u(m)*], а арабский субъюнктив на *-a* — параллельной формой для целевых предложений, образованной с помощью локативно-объектного показателя *-a*. Другими словами, в общеафразийском языковом состоянии наклонений, очевидно, не было, а были падежи (или, что принципиально то же самое, послелог), вероятно оформлявшие как имена, так и обороты и дополнительные, определительные и обстоятельственные придаточные предложения в зависимости от их роли как члена главного предложения, точно так же как и поныне в агавских языках и др.

13. На основании изложенного выше видно, что афразийский глагол не накапливал в себе каких-либо показателей пространственного³² и модального уточнения характера действий. Почти неизвестны афразийскому словообразованию, во всяком случае в исторический период, и такие способы расширения лексического значения глагольных корней, как словосложение³³ (кроме редупликации) и различного рода приставки предложного происхождения, указывающие на направленность действия, и т. п. Афразийский глагол выработал другое средство расширения семантических возможностей, которое в русской семитологии носит название «породы».

Породы — это производные лексико-грамматические образования, модифицирующие первичное значение глагола в отношении образа действия (или состояния) в качественном и количественном смысле или в смысле его направленности. Отчасти они соответствуют залогам — побудительному, среднему, возвратному, кроме основных — активного и пассивного, которые в афразийских языках либо не выражаются вовсе, либо вторично представлены собственно залоговыми формами, могущими быть образованными от любой породы.

Каждая порода образует полную парадигму глагольных форм параллельно парадигме первичной формы (породы) глагола: перфектив, имперфектив, императив, имя или имена действия (масдары, инфинитивы), причастия действия и состояния (позже — актива и пассива).

Основными средствами для образования пород в афразийских языках являются:

³² Такие показатели, однако, наблюдаются в некоторых чадских языках — возможно, под влиянием субстрата.

³³ Словосложение было наиболее широко распространено, видимо, в прабербероливийском, в чадском, в меньшей степени в других ветвях праафразийского.

- 1) редупликация (удвоение) всего корня или его части (породы типа D);
- 2) аффиксации формантов: *š-* (породы типа Š), *m-*, *n-* (породы типа M, N) и *t-* (породы типа T).

При этом в образовании глагольных форм производных пород используются основы, образованные с помощью иной огласовки, чем в основной породе (породе G³⁴). Существуют также породы, образуемые только с помощью иной структуры внутреннефлективной огласовки, чем в основной породе (породы типа A), инфиксации *-aḏ-*, *-aḥ-*, *-ā-*, а также породы, сочетающие в себе два и более типа (Š + T, T + N, Š + D, D + T и т. п.).

Значение отдельных пород несколько отличается по различным языкам и группам языков. Однако можно выделить некоторые основные значения, свойственные тому или иному типу породы.

Породы типа D (редуплицированные) обычно выражают интенсив или итератив (интенсивность, повторность или многократность), а также фактитив (действие, вызывающее состояние), декларатив (объявление чем-либо) и каузатив (побуждение к действию). Редупликация широко используется (в связи с фактитивным значением этой породы) для образования отыменных глаголов. В семитских языках породы, построенные на полном или даже частичном повторении основы, что характерно для кушитских, отчасти берберских и чадских языков, малораспространены, зато широко употребляется порода с упрощением редупликации основы до редупликации или, вернее, удлинения только второго (реже — третьего) корневого согласного. Формы с этой или подобной «сокращенной» редупликацией используются в египетском и берберском для создания «третьего» вида (наряду с пунктуалисом и курсивом) — габитатива в любой, в том числе и в первичной, породе.

Породы типа Š выражают каузатив (побуждение к действию) и иногда фактитив и декларатив. В сомали, в хауса и других языках аффикс **š-* выступает в виде суффикса *-s*.

Породы типа N, M создают возвратное (и взаимное) значение и в дальнейшем развиваются в сторону пассива. В древнеегипетском *n-* встречается почти только как средство расширения двусогласного корня (как нередко и в семитских). В берберских и кушитских обычно вместо пород типа N в роли возвратных и взаимных пород выступают породы типа M (в семитских этот формант широко используется лишь для образования отглагольных имен, но не собственно глагольных форм).

Породы типа T (с префиксацией, а затем часто и с инфиксацией, а в кушитских, берберском и чадских — и с суффиксацией форманта *-t-*) первоначально, по-видимому, выражали перемену направления действия, отсюда — возвратное и взаимное значение³⁵. В арамейском широко распространенные породы типа T постепенно развивают пассивное значение. В аккадском из формы глагола с инфиксом *-t-* вырабатывается видовая форма — так называемый перфект, выражающий последовательность действия, а позже эта форма вытеснила в изъявительном наклонении форму старого перфектива. В египетском есть лишь пережитки пород типа T, зато в берберских языках формы глагола с аффиксом *-t-* играют очень важную роль. По-видимому, при том же исходном значении (перемена направления действия) здесь создаются габитативные формы (привычное или постоянное действие) и формы с пассивным значением. Из общенепереходного значения формы T вырабатывается вторичный имперфектив непереходных глаголов. В кушитских языках образования типа T нередко имеют возвратное значение, из которого вырабатывается общенепереходное и пассивное.

.....

---

³⁴ Из нем. Grundstamm. Иначе обозначается как B (англ. Basic).

³⁵ Р. Хеэрон, по-видимому, склонен считать, что T-породы, префигирующие и инфигирующие, имеют разное происхождение и различную историю семантического развития.

§ 14. Некоторые данные о синтаксисе

Обычно считается, что исконным для афразийских языков является следующий порядок слов в предложении: предикат–субъект–объект. Действительно, этот порядок слов, за исключением случаев выражения экспрессивного подчеркивания, в целом выдерживается в древнеегипетском и в семитских языках (арабском, древнееврейском и др.), за редкими исключениями.

Установить древность той или иной конструкции можно, сопоставив ее с образованием глагольных словоформ. В языках семитско-кушитско-берберской группы субъект оформляется в глаголе префиксальным показателем лица, несомненно, восходящим к самостоятельному местоимению в косвенном (эргативном) падеже субъекта действия, а объект — суффиксальным местоимением. Из этого можно заключить, что субъект действия в этих языках предшествовал предикативному слову, а это последнее — объекту. Иначе говоря, для этих языков «арабский» порядок слов не является исконным. Если же в стативе субъект выражается суффиксальной морфемой, то это, с нашей точки зрения, объясняется тем, что прототип этой морфемы — местоимение в прямом падеже — играло здесь роль предикативной связки (копулы); ср. пережиточный морф копулы (?) -j в египетской «форме качества и состояния» («псевдопартиципе»).

Как мы знаем, в древнеегипетском предикат действия выражался определительной или предложной конструкцией; вспомним также, что афразийские предлоги происходят, как правило, из имени и обычно управляют родительным падежом, вследствие чего предложная конструкция все равно является разновидностью определительной. Субъект действия выражается здесь притяжательным (генитивным) местоимением или именем в родительном падеже после предиката-определяемого. Следовательно, и определительную конструкцию типа определяемое–определение можно считать исконной.

Говоря об определительной конструкции в афразийских языках, мы в данном случае имели в виду только простейший ее вариант.

В действительности в афразийских языках мы встречаемся с несколькими различными возможностями:

а) определяемое (в форме *st. constructus*) непосредственно предшествует определению в родительном падеже (если оно — имя существительное), или же определяемое в полной форме *st. rectus* (при утере падежной флексии — *st. absolutus*) предшествует определению прилагательному и обычно согласуется в роде, числе и падеже; акк. *ṣarad šarr-i-m* 'раб царя'; *ṣard-u-m kēn-u-m* 'раб верный';

б) определяемое в полной форме предшествует определению в родительном падеже, но соединяется с ним при помощи *nota genitivi*; если последняя склоняется, она согласуется с определяемым в роде, числе и падеже. Этот тип определительной конструкции очень древний, на что указывает наличие одной и той же *nota genitivi n* в берберо-ливийских, египетском и чадских; тем не менее следует заметить, что в семитских и кушитских языках *nota genitivi* образуется от других местоименных основ, ср. при определении имени: ег. *mr n Pth* 'любимый (бога) Птаха'; чад. хауса *kane-n mutum* 'младший брат человека'; акк. *ṣard-u-m ṣu šarr-i-m* (вав. [ṣ]ardu[m] ša šarri[m]) 'раб царя'; 'am-t-u-m ṣa-t šarr-i-m 'рабыня царя'; при определении прилагательным: берб. каб. *sin i-rgaz-qn d-i-fqir-qn* 'два человека бедных'; чад. хауса *kane-n nan* 'младший брат этот';

в) для логического подчеркивания определения оно выносится вперед (обычно с *nota genitivi*), а определяемое сопровождается «подхватывающим» местоименным суффиксом, указывающим на определение. Или же определяемое остается на своем месте, но сопровождается «подхватывающим» местоимением: акк. *ša šarr-i kalab-šu* 'царя, собака его'; араб. *kalb-eh dī malk-ā* 'собака его, царя'.

Придаточные предложения на древней ступени развития афразийских языков рассматривались как второстепенные члены главного предложения и в зависимости от их характера занимали в пределах главного предложения место определения, прямого или косвенного объекта, обстоятельства. При этом в аккадском, например, определительные придаточные предложения вводились либо именем в *st, constructus* (форма имени определяемого), либо *nota genitivi*; если данное придаточное предложение носило косвенно-объектный характер, то применялась определительная конструкция типа (В): *ward-u-m ša 'iqbi'-u* 'раб, который сказал', но *ward-u-m ša 'i-qbi'-u-šum* 'раб, которому (он) сказал', букв. 'раб, который сказал ему'. В ряде языков (египетском, некоторых кушитских), если определяемое имя стояло в женском роде, то придаточные предложения тем или иным приемом согласовывались с ним в роде. Аналогично придаточным определительным оформлялись и придаточные дополнительные, обстоятельственные и др., причем либо все придаточное предложение (в некоторых кушитских), либо его предикат оформлялись таким падежным показателем, которым было бы оформлено имя, игравшее ту же роль в качестве члена главного предложения (определительное — родительным падежом, целевое — дательным, локативом и т. п.). Из этих падежных показателей в дальнейшем выработались показатели глагольных наклонений, впрочем почти не пережившие средней ступени развития афразийских языков.

Таковы основные черты, свойственные древнейшему слою афразийских языков. Здесь не было возможности проследить весьма значительное собственное развитие, которое претерпели отдельные ветви и языки этой семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова А. Г., Дьяконов И. М., Милитарев А. Ю., Порхомовский В. Я., Столбова О. В., Четверухин А. С. Сравнительно-исторический словарь афразийских языков. Вып. 1 // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Ч. IV. М., 1981.
2. Белова А. Г., Дьяконов И. М., Милитарев А. Ю., Порхомовский В. Я., Столбова О. В. Сравнительно-исторический словарь афразийских языков. Вып. 2 // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Ч. III. М., 1982.
3. Гранде Б. М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М., 1972.
- 3а. Долгопольский А. Б. Сравнительная фонетика кушитских языков. М., 1978.
4. Дьяконов И. М. Семитохамитские языки. М., 1965.
5. Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.
- 5а. Дьяконов И. М. Лингвистические данные к истории древнейших носителей афразийских языков // *Africana*. Африканский этнографический сборник. 4. X. Л., 1975.
6. Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. 1982, № 3, 4.
7. Дьяконов И. М., Милитарев А. Ю. Послесловие // Лот А. К другим Тассили. Новые открытия в Сахаре. М., 1984.
8. Дьяконов И. М., Порхомовский В. Я. О принципах афразийской реконструкции (в связи с работой над сравнительно-историческим словарем) // *Balkanica*. Лингвистические исследования. М., 1979.
9. Майзель С. С. Пути развития корневого фонда семитских языков, М., 1983.
10. Милитарев А. Ю. Об одном общеафразийском сельскохозяйственном термине (новые лингвистические данные о происхождении земледелия) // ВДИ, 1983, № 4.
11. Милитарев А. Ю. Современное сравнительно-историческое афразийское языкознание: что оно может дать исторической науке? — Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 3. Языковая ситуация в Передней Азии в X–IV тыс. до н.э. М., 1984.
12. Милитарев А. Ю., Шнирельман В. А. К проблеме локализации древнейших афразийцев (опыт лингвоархеологической реконструкции) // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 2. Лингвистическая и историческая реконструкции (проблемы междисциплинарных исследований). М., 1984.
13. Ольдерогге Д. А. Хамитская проблема в африканистике // СЭ. 1949. № 3.

14. Порхомовский В. Я. Исторический консонантизм языков котоко. М., 1972.
15. Порхомовский В. Я. Афразийские языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. М., 1982.
16. Порхомовский В. Я. Проблемы генетической классификации языков Африки // Теоретические основы классификации языков мира. Проблемы родства. М., 1982.
17. Рифтин А. П. К происхождению форм наклонений в арабском и аккадском языках // Труды II сессии арабистов. М.-Л., 1941.
18. Старинин В. П. Структура семитского слова. Прерывистые морфемы. М., 1963.
19. Тайны древних письмен. М., 1976.
20. Acres du premier congrès international de linguistique sémitique et chamito-sémitique. P., 1969. Ed. A. Caquot, D. Cohen. — *Janua linguarum. Series practica.* 159. The Hague–Paris, 1974.
21. Atti del Secondo congresso internazionale di linguistica camito-semitica. Firenze, 1974. Ed. P. Fronzaroli // *Quaderni di Semitistica.* 5. Firenze, 1978.
22. Bender L. M. Omotic: A New Afroasiatic Language Family // *University Museum Studies.* 3. Southern Illinois University. Carbondale, 1975.
23. Cohen D. Dictionnaire des racines sémitiques ou attestées dans les langues sémitiques. Paris-La Haye, 1970, 1976.
24. Cohen M. Essai comparatif sur le vocabulaire et la phonétique du chamito-sémitique. P., 1947.
25. Current progress in Afro-Asiatic linguistics. Papers of the Third International Hamito-Semitic Congress. Ed. J. Bynon. Amsterdam–Philadelphia, 1984.
26. Diakonoff I. M. Semito-Hamitic Languages. M., 1967.
27. Diakonoff I. M. Problems of Root Structure in Proto-Semitic // *AO.* Vol. 38, № 4, 1970.
28. Diakonoff I. M. The Earliest Semites in Asia. — *Altorientalische Forschungen.* VIII, B., 1981.
29. Friedrich J. Semitisch und Hamitisch. — *Bibliotheca orientalis.* IX. 1952.
30. Fronzaroli P. Studi sul lessico comune semitico I–VI // *ANL. Serie VIII.* Vol. 19–20, 23, 24. Roma, 1964–1969.
31. Gelb I. J. Sequential Reconstruction of Proto-Akkadian. Chicago, 1969.
32. Greenberg J. Internal *a*-plurals in Afroasiatic (Hamito-Semitic) // *Afrikanistische Studien* Diedrich Westermann zum 80. Geburtstag gewidmet. B., 1955.
33. Greenberg J. *Studies in African Linguistic Classification.* New Haven. 1955.
34. Greenberg J. *The Languages of Africa.* Bloomington, 1963.
35. *Hamito-Semitic.* Ed. J. and Th. Bynon. The Hague–Paris, 1975.
36. Hetzron R. *The Limits of Cushitic.* University of California. 1978. Ms.
37. Klingenberg A. Die Präfix- und die Suffixkonjugation des Hamito-Semitischen // *MIOF.* IV. 1956.
38. Kuryłowicz J. Esquisse d'une théorie de l'apophonie en sémitique // *BSL.* 53. 1958.
39. Kuryłowicz J. *L'apophonie en sémitique.* Wrocław–Warszawa–Kraków, 1961.
40. Leslau W. Semitic and Egyptian comparisons // *JNES.* 21. 1962.
41. Leslau W. A prefix *h*- in Egyptian, Modern South Arabian and Hausa // *Africa.* 32. 1982.
42. *Linguistics in South West Asia and North Africa* // *Current Trends in Linguistics.* Vol. 6. Ed. Th. Sebeok. The Hague–Paris, 1970.
43. Newman P., Schuh R. G. The Hausa Aspect System // *AL.* Vol. 1, № 1, 1974.
44. Rabin C. Lexicostatistics and the Internal Divisions of Semitic // *Hamito-Semitic* (ed. James and Theodora Bynon). The Hague–Paris, 1975.
45. Reinisch L. Das personliche Furwort und die Verbal-Flexion in den Chamito-Semitischen Sprachen // *Kaisliche Akademie der Wissenschaften. Schriften der Sprachenkommission.* Bd. 1. Wien, 1909.
46. Rössler O. Verbalbau und Verbalflexion in den semitohamitischen Sprachen. Vorstudien zu einer vergleichenden semitohamitischen Grammatik // *ZDMG.* 100. 1950.
47. Tucker A. M. and Bryan M. A. *The non-Bantu Languages of North-Eastern Africa* // *Handbook of African Languages.* 3. Oxford, 1956.
48. Westendorf W. Der Gebrauch des Passivs in der klassischen Literatur der Ägypter. B., 1953.
49. Zaborski A. The Semitic External Plural in an Afroasiatic Perspective // *AAL.* 3 (6), 1970.
50. Zaborski A. *The Verb in Cushitic.* Kraków, 1975.